

ДАРА БОЯРИНОВА

КААЛЕ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЦЕНАВИСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дара Бояринова
История одной ненависти
Серия «Истории», книга 4

<https://litres.ru/73792811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для любой порядочной мисс застать своего жениха в постели с другой — настоящая трагедия. Но мисс Кристине Бойд не дали даже как следует пострадать и оплакать разбитые мечты: стоило выставить изменника за дверь, как она сама стала главной подозреваемой в покушении на его убийство.

И это было лишь цветочками.

Телефон разрывается от звонков маньяка. Бандиты, похищения и семейные тайны. Подруги, способные превратить любой день в катастрофу. Неожиданные признания в любви. И следователь Кёрк — большой, сильный, надёжный и слишком уж привлекательный, чтобы ему можно было доверять.

Сколько времени нужно чтобы понять любовь? Кому-то и жизни не хватит, а кто-то поймёт всё сразу. Ей хватило одного допроса.

Вот и мисс Кристина Бойд - бывшая землянка Терехова Кристина Александровна, усвоила урок: вторая жизнь дается не для того, чтобы плакать над осколками первой. И решила не

тратить её понапрасну. Пора выяснить, кто хочет подарить ей счастье, а кто мечтает похоронить окончательно.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Дара Бояринова

История одной ненависти

Глава 1

Это был самый обычный день. Перед обедом мне позволила на работу Ларка. Вообще— то подругу родители назвал красивым именем Лаура, но для меня она на всю жизнь осталась смешливой девчонкой Ларкой, с задорными косичками, торчащими в разные стороны, с веснушками на курносом носу, с ободранными коленками и зелёными пятнами от травы на платице, которая грызёт кислющие яблоки, уворованные в соседском саду.

– Тина! Мне срочно нужно твой гарнитур с голубыми топазами!

– Здравствуй, Лара, я тоже рада тебя слышать, и у меня все в порядке.

– Тинка, ну не вредничай! У меня невероятный клиент, и он пригласил меня в шикарный ресторан! Он может, кстати, помочь с расширением моего ателье.

– В шикарные рестораны ходят на свидание, а не говорят о делах. Ты вообще в курсе?

– Я бы хотела совместить, если получится. Для этого мне и нужны твои топазы, они идеально подойдут к моему новому платью! – как на духу призналась подруга.

– Заезжай вечером и возьми, – усмехнулась я ее энтузиазму.

– Мне надо сейчас! У нас встреча намечена в пять. Понимаешь, в пять, очень по– деловому. Я сейчас лежу в ванне и буду приводить себя в порядок. Тиночка, пожалуйста, съезди за ними и привези мне. Очень тебя прошу! Может, это судьба!

– Богиня, убереги нас от этого! Обычно все, что «может, судьба», ты посылаешь очень далеко, придав ускорение словами!

– Это ты у нас порядочная почти миссис, а мы, одинокие мисс, ищем своего принца методом проб и ошибок или, как ты говоришь, методом научного тыка, не ожидая милостей от природы!

– Ладно, ты там не утонешь, в ванне?

– «Ладно» – это значит – съездишь или призыв заткнуть-ся?

– Съезжу, а то, не дай Богиня, разрушу счастье подруги!

– Я тебя люблю! Жду!

Выйдя на улицу, вдохнула прогретый солнечными лучами и напитанный ароматами весенних цветов воздух. Осмотревшись, перебежала дорогу и направилась вдоль кривой живописной улочки в сторону дома.

Войдя в холл, увидела мужские туфли и портфель, при-
мостившийся на полу рядом с туфлями, и сильно удивилась:
странно, Альберт никогда не приезжал днем. Вообще нико-
гда!

Может, что— то случилось?

И уже собралась окликнуть его, даже воздуха набрала в
легкие для громкого призыва, когда услышала доносящиеся
из спальни непонятные звуки. Поднявшись на второй этаж и
подойдя к двери спальни, обо всем догадалась, но какая— то
сила, скорее всего, желание убедиться окончательно, не дав
себе трусливой возможности подумать, что неправильно все
поняла, заставила войти в комнату!

На кровати происходил апогей «большой и чистой телес-
ной любви» в исполнении моего жениха, уже почти мужа, и
второй моей ближайшей подруги Одри.

Он скакал на ней, рвался к финалу, громко выкрикивая
пошлости. Столкнулась взглядом с Одри, лежащей под ним.
И этот взгляд за секунду из откровенно чувственного пре-
вратился в испуганный и панический.

Вышла, осторожно притворив за собой дверь, спустилась
на первый этаж, прошла в кухню, заварила себе кофе, села
за стол с чашкой в руке, заправила тонкую сигарету в мунд-
штук, закурила и уставилась в окно невидящим взглядом,
пытаясь разобраться в своих мыслях и ощущениях.

Надо признаться, испытывала я целый букет чувств: непо-

нимание, жгучую обиду на Одри, какую— то брезгливость от самой ситуации, что— то еще неприятно шебуршащее в душе, но все это было второстепенным. Главным и самым сильным, удивившим откровением, чувством было огромное облегчение, ощущение, что некая невероятная тяжесть, давившая на меня много лет, вдруг свалилась с плеч! И это поразило меня до глубины души!

«Я потом с этим разберусь! Я сяду, подумаю и все пойму, а сейчас мне надо выдержать разговор! Просто потерпеть немного и пережить неизбежный треп!»

Услышала звук закрывающейся входной двери — ушла Одри. На кухню вошел Альберт, босиком, в брюках и расстегнутой рубашке.

— Свари мне тоже кофе, — попросил он.

Молча показала ему рукой на плиту — жест означающий: «Вари сам!».

— Ты же знаешь, я не люблю варить кофе, — раздраженно попенял он, достал из холодильного шкафа кувшин с водой и налил себе в стакан. Он пил, зло разглядывая меня, ну и высказался, само собой.

— Ты сама в этом виновата! — начал наступление Альберт. — Мы помолвлены уже больше года! В конце концов, я нормальный мужчина! И мне это нужно!

Вот как! Значит, виноватый таки имеется, и к тому же весьма определенный!

— Я не знала, что ты любишь так выражаться в процессе!

– я еле сдерживала рвущийся смех.

– Да, люблю!!! И что?! – закричал он. – Меня это заводит! Но с тобой же это наверняка невозможно, – ты же вся такая... прямо как герцогиня гребаная! С тобой рядом чихнуть страшно, вдруг ты не так поймешь!

– Альберт, ты не нервничай так, – очень спокойно сказала я. – Ты пойди собери необходимые вещи на первое время. Я потом все остальное упакую.

– Я не собираюсь от тебя уходить, и собирать вещи, я их только перевёз! И я уже сказал своей квартирной хозяйке, что съезжаю через две недели.

– Ничего страшного, думаю ты сможешь её убедить дать тебе ещё немного времени. И подыщешь себе собственный дом, – затянулась вишневым табаком.

– Богиня! Что ты несёшь?! Какой дом?! Ты хоть представляешь сколько стоит дом в этом районе?! Тина, не пори горячку, ну подумаешь, переспал я с другой до нашей свадьбы, ну и что?! Если ты мне отказываешь, это еще не повод расходиться! Ты сама виновата! – еще раз упрекнул он.

– Хорошо. Я во всем виновата. Но жить вместе, как мы с тобой планировали, и уж тем более выходить за тебя замуж я не собираюсь. Пожалуйста, собери вещи и уходи!

– Дура! Идиотка! Вот так взять и все разрушить! На что ты жить собираешься?! На свои гроши?!

– Альберт, все время, что мы с тобой знакомы и помолвлены, я живу на свои, как ты выразился, гроши. Если ты на-

пряжешься, то вспомнишь, что у тебя денег я ни разу не брала. Не думаю, что с твоим уходом из моей жизни что-то изменится.

– Я вложил в этот дом бешеные деньги! Это и мой дом!

– Альберт, – не выпадала из спокойного тона я, – это не твой дом, этот дом достался мне от моей тетки, и ты это прекрасно знаешь. Я очень тебя прошу, будь ты мужчиной, просто уйди, и все! – с нажимом попросила я.

– Хорошо! Я уйду сейчас, но мы еще вернемся к этому разговору, когда ты немного остынешь! – сказал он и вышел из кухни, хлопнув дверью в раздражении «праведных».

Он ходил по дому, собирался, а я прислушивалась к его сборам – спальня, ванная, гостиная, снова спальня, кабинет. Казалось, что он передвигается совсем медленно, и я взмолилась про себя: – «Да уходи ты уже скорее! Давай, мне надо побыть одной!»

Наконец, собранный, с саквояжем и портфелем в руке, одетый в костюм, он зашел на кухню:

– Я ухожу. Позвоню через пару дней, и мы поговорим спокойно.

– Оставь ключи, – попросила я.

– Они мне нужны, мало ли что понадобится! Не дури!

– Оставь ключи! – очень жестко и холодно произнесла я.

– Если тебе что– то понадобится, позвонишь, я тебе отдам!
– Ненормальная! – крикнул Альберт.

Но все– таки достал связку, снял с кольца два ключа от дома швырнул на стол. Ключи пролетели по крышке стола, стукнулись о чашку и упали на пол, к моим ногам. Наклоняться и поднимать их не стала.

С огромным облегчением закрыла за ним дверь и вернулась в кухню. Налила себе воды в стакан из кувшина, который он оставил на столе, собралась выпить, но вдруг ярко, в деталях и подробностях, вспомнила картинку, которую увидела в спальне, и начала смеяться. Смех быстро перешел в хохот, отнимающий все силы. Я хохотала так, что у меня подкосились ноги, и я опустилась на пол, продолжая смеяться. Немного успокоившись, отпила воды, стакан с которой так и держала в руке.

Зазвонил телефон, выводя меня из состояния, близкого к истерике.

– Тинка! – заорала Ларка, как только я сняла трубку с рычажков. – Ну где ты?! Я тебя жду, жду, а ты не едешь! Я же опоздаю!

– Лар, – спокойным голосом ответила я. – Тебе придется пойти на встречу в чем–нибудь другом.

Лаура замолчала. Сразу.

Мы очень хорошо знали друг друга, давно, с самого дет-

ства став близкими и родными людьми. Ларка знала, как я умела скрывать чувства и эмоции за этим спокойным и ровным тоном, и еще знала, что чем тяжелее ситуация, тем спокойнее внешне я становилась. Защитная реакция, выработанная давно, очень давно. Стоит только показать свои чувства, страх или радость, и тебе сделают в сто раз больнее. Поняв, что у меня что-то случилось, Лара осторожно предложила:

– Тина, давай я сейчас приеду!

– Не надо, Лар. Я на работу сейчас, а вечером приезжай.

Во сколько ты сможешь?

– Когда надо, тогда и смогу!

– У тебя же свидание.

– Да плевать мне на него! Что случилось – то?!

– Приезжай часов в восемь – поговорим.

Неспешно дойдя до места работы, сразу прошла в кабинет к начальнику. Я работала с ним уже семь лет. Начав с обычной машинистки, работая по совместительству курьером и немного счетоводом – первичные документы, и даже уборщицей. Маленькая конторка по оказанию нотариальных и юридических услуг. Семь лет назад молодой, амбициозный, харизматичный, но бедный Филипп Веарди открыл своё дело. И буквально через два дня к нему пришла я и предложи-

ла свои услуги. Да, я не юрист и не адвокат, но я умела и знала то, что помогло ему стать через три года одним из самых востребованных адвокатов в городе. А я стала не только его правой рукой, но и полноправным партнёром.

– Фил, – начала я с порога. – Мне нужен отпуск. Прямо сейчас.

– Ты что, сума сошла?! Какой отпуск?! – возмутился Филипп. – Работы полно!

– Фил, – я устала присела на стул напротив него, – только что я застукала Альберта с моей подругой в кровати во время неистового секса. Мне надо время, чтобы все обдумать и успокоиться, работать я все равно не смогу.

Он помолчал, посмотрел на меня внимательно.

– Сколько тебе надо?

– Месяц.

– Тинка, – хлопнул ладонь на глаза Фил, – ты меня без ножа режешь! Мне же придется половину твоей работы на себя взять! Быстрее ты не можешь успокоиться и подумать?

– Не могу. Мне, наверное, и месяца мало будет!

– Сдурела совсем! Ни дня больше! Вот говорил я тебе: выходи за меня замуж! А ты все за этого козла держалась!

Да, был такой эпизод в нашей жизни. Однажды после победы в очень сложном процессе Фил на радостях напился, и я отвезла его домой. И пока стягивала с него сюртук и ботинки да укладывала на кровать, он жаловался на свою жизнь и звал меня замуж, рассказывая, как я ему нравлюсь. Поста-

вив возле него графин с водой, стакан и антипохмельную настойку рядом, чмокнула его в лоб и поехала домой. На следующий день Филипп извинился, и мы об этом разговоре никогда не вспоминали, до сегодняшнего дня. Теперь можно было над этим шутить, потому что два года назад он очень счастливо женился и любил свою молодую жену.

– Тебе деньги нужны? – спросил он.

– Наверное, нужны. Не знаю.

– Понятно, – покачал головой Фил. – Так, на втором счете у нас осталось около тысячи, да?

– Да, я насчитала всем оплату и все основные расходы тоже оплачены.

– Ну и отлично. Тогда, думаю тебе должно хватить. Давай– ка, бери ключ– карту¹ и езжай отдохни. Сейчас, говорят, в Ломаре просто волшебнно. И постарайся не расстраиваться сильно. Как ни банально это звучит, но всем давно и глубоко было понятно, что он тебя недостоин. Я рад, что для тебя эта каторга закончилась. Езжай с глаз долой, пока я не передумал.

– Фил, за деньги спасибо, но вряд ли я куда– то смогу сейчас поехать.

– Иди уже, – махнул на меня рукой партнёр.

¹ Ключ-карта, аналог банковской карты с привязкой к банковскому счету, дополненная оттиском ауры и секретным кодом.

Вечером приехала Ларка. Выслушав мой рассказ, почему– то не удивилась, только возмутилась:

– Так странно, что это была Одри! Мы же дружили столько лет, а сколько мы для нее сделали?! Не понимаю! – И переключилась на утверждающий позитив: – Ладно, я тебя знаю, дней через десять поговорим, когда ты в себе разберешься. Только прошу тебя, не отключай телефон, я буду звонить всего раз в день, обещаю! Узнать, как ты тут, и все!

– Не надо драм! Что со мной сделается? – успокоила я подругу.

– Да знаю я тебя! Начнешь себя во всем обвинять, вспомнишь трудное детство и придешь к выводу, что никому не нужна! Просто ты еще не встретила своего мужчину!

– А ты встретила?

– Я тоже не встретила. Значит, у нас все впереди, подруга! Радуйся!

– Я попробую. Ладно, Лар, иди, мне надо побыть одной.

Ларка обняла меня, поцеловала и, уже стоя в дверях, обернулась.

– Ты не одна, у тебя есть я и Арти, – напомнила на всякий случай.

– Да, Лар, спасибо тебе, – согласилась я.

Следующее утро началось для меня с посещения храма Богини. Поведав всё жрецу, расторгла помолвку. Вернувшись домой, старательно, продуманно и неторопливо собрала все вещи Альберта, и выставила в прихожую.

Сев на банкетку, вдруг подумала. Как же хорошо, что до свадьбы не дошло. Расторгнуть брак в этом мире – та ещё задачка была бы.

Да– да. В этом мире. Как бы бредово не звучало, но другие миры существуют. Ну я знаю, как минимум два. Моя родная Земля и этот мир. Мир, в котором я очутилась, с красивым названием Вронтия. Позвольте представиться, Терехова Кристина Александровна.

Рассказа про героическую девицу– попаданку с кучей магических прибабасов, лихо рассекающую на вороном жеребце и спасающую мир от гибели, не будет. В магической академии не училась. Прогресс не двигала. И замуж за принцев– королевичей не собиралась. А как тут замуж за принца идти, или прогресс двигать, или в академию идти? Вот нормальные попаданки они же какие? Правильно, они крутые! Во всяком случае, в книгах именно так. Им достаются всяческие плюшки, такие как: потрясающая внешность и мозги академика, невероятная магическая сила и куча могущественных друзей, не менее могущественные враги, ну и принцы, конечно же, в придачу.

Мне же досталось тело необразованной десятилетней де-

вочки из бедного квартала Санирты, столицы одного из множества государств этого мира.

В книгах героини попадают в другие миры, если им угрожает смертельная опасность, ну там аварии и всё такое. В моей же жизни ничего такого не было. Я прожила свою, пусть и не слишком длинную, жизнь хорошо. У меня была прекрасная и любящая семья, обычное и весёлое детство. Пусть и пришедшееся на время перемен. Родилась я в славном городе Владивостоке, в 1980 году, в самой обычной семье, папа врач, мама учительница. Не смотря на лихие времена, мои родители всё же смогли принять все перемены и перестроить нашу жизнь. В начале этих смутных времён, вся наша семья с бабушками и дедушками с обеих сторон, собралась на семейный совет. Слегка помитинговав о непонятных и смутных временах на кухне, они пришли к самому верному решению на тот момент. Переехав в одну большую трёхкомнатную квартиру бабушки Нины и дедушки Коли, маминых родителей, сдали две оставшиеся квартиры, а на эти деньги они, не став моментально кидаться в челночный бизнес, открыли небольшой медицинский кабинет для папы.

По детству я мало что понимала тогда, но как потом со временем выяснилось, папа стал весьма популярен среди определённых кругов. Если короче, папа был бандитским доктором. Благодаря своему жесткому характеру, папа сразу же поставил браткам ряд условий. Он будет работать со все-

ми, но при этом, он – нейтральная территория.

Некоторые самые отмороженные и буйные, конечно же пытались поспорить, но папа быстро успокоил горячие головы.

Это только в кино трясущийся от страха доктор оперирует под дулом револьвера. В жизни не так. Совсем не так.

Очень скоро папа стал своего рода неприкасаемой фигурой. Братки уважали его, и разросшийся до клиники кабинет стал местом, где могли встретиться ребятки из враждующих группировок, но все выяснения отношений были там под запретом. Конечно же, правоохранительные органы не оставили без внимания папину деятельность, вот только оснащение папиной клиники было в разы лучше обычных больниц того времени, так что, даже полицейские чины не стеснялись обращаться в папину клинику.

Через несколько лет, те братки, что смогли выжить в разборках, не без папиной помощи, превратились в бизнесменов, времена наступили потише и поспокойнее. Мама же осталась работать на прежнем месте, в школе. Естественно, я училась в этой школе. И не плохо училась. А вы попробуйте плохо учиться, когда твоя мама преподаватель иностранного языка в твоей же школе.

Закончив школу, я поступила в университет, и вовсе не на иняз или медицинский, как можно было бы подумать. Никаких талантов в медицине или языках у меня не было, так что я пошла учиться управлению. Через пять лет я стала управ-

ленцем в сфере бизнеса и социологии. За это время существенного ничего не случилось, ну кроме скоротечного замужества и такого же развода, неземной любви не случилось, разбежались мы с Димкой через год, так же быстро и тихо. После университета я конечно же начала трудиться в клинике папы. Естественно, никто не назначил меня управлять клиникой, начинала я помощником финансового директора.

Не скажу, что всё проходило гладко, конечно же, многие считали меня выскочкой и получившей должность только благодаря папе. В начале, пару раз самых ретивых приходилось ставить на место, но со временем все поняли, что я действительно заинтересована в работе, а не прихожу в офис ради удовольствия покрасоваться перед коллегами нарядами и драгоценностями.

Мне нравилось всё в моей работе, я не только была помощником, я вникала в тонкости управления бизнесом, через пять лет я стала заместителем управляющего клиники, а ещё через пять и полноценным управляющим. Замуж я не стремилась, полагая что время у меня ещё есть, всю себя посвящала любимой работе. За эти десять лет из жизни ушли бабушки с дедушками, а ещё через пять лет и папа с мамой. И в сорок лет – я вдруг осталась одна. В моей жизни осталась только работа. Изредка случались короткие романы, но они быстро мне надоедали. Так получилось, но ни один мужчина не смог разбудить во мне ответных чувств. А ещё через пять

лет я умерла. Острый лейкоз².

Узнав о диагнозе, я не питала надежд. Я знала, что меня ждёт, и знала, что несмотря ни на что, я умру, поэтому продал все свои активы и обеспечив себя качественной медицинской помощью, сделала то, что так долго откладывала.

Я начала жить. Театры. Выставки. Путешествия. Можно сказать, мне повезло, практически все пять лет я жила без боли. Она всей своей мощью обрушилась на меня в последнюю неделю моей жизни. Умирать неприятно. Очень неприятно. Я четко помнила свой последний вздох. Раз, и на Земле под писк медицинской аппаратуры умерла Терехова Кристина Александровна.

Каково же было моё удивление, когда я пришла в себя в этом мире в теле маленькой девочки. В голове появились мысли о Рае и Аде. У любого бы появились. Представьте, вы умерли, а потом раз, и открываете глаза, в голове сквозь гул и туман звучит детский голос, рассказывающий историю Эрнестины Тересы Локвуд, душу и личность которой, по глупости и дурости сгубила собственная мать.

Глупость и дурость безответственной гулящей бабенки, изменившей мужу с магом, и страх. Страх, что муж бросит её, если узнает об этом. В десять лет у Эрнестины проснулся

² Лейкоз — злокачественное заболевание кроветворной системы при которой в крови появляется много «неправильных» лейкоцитов, которые не могут защищать организм от инфекций.

дар. И не просто дар, а дар видеть неупокоенные души. Эрнестина была некромантом.

Магия... Она разная. Одна даёт силу, славу, почёт, уважение, богатство, уверенность, власть. Другая даёт лишь малую возможность заработать на кусок хлеба себе и своим близким. Если ты мужчина, уровень силы высок, и ты владеешь стихийной магией или ментальной, или артефактной, или некромагией, то ты на вершине. А если ты аристократ, то тем более. Но даже сын пастуха или безродный сирота может стать очень могущественным и влиятельным, перед ним открыты все двери и все пути, если у него есть сильный дар. Магия у каждого просыпается в разном возрасте. Часто это с десяти до шестнадцати лет. В очень редких исключениях позже. У девочек она просыпается в момент, когда они становятся девушками. И очень часто это слабые искры, которые многие даже не развивают. Крупниц силы хватает на бытовую магию или, как её называют, низшую. Но, видимо, у биологического отца девочки дар был очень силен, и он передался по наследству дочери.

Мамаша, боясь разоблачения, не просто надела на дочь блокировочный браслет, она каким-то неведомым образом нашла умельца, сделавшего Эрнестине вечный блокировочный браслет в виде татуировки. Кольцо рун и символов опоясавшее плечо девчушки убило её душу. Провалившись в горячке сутки, Эрнестина умерла, успев напоследок поведать

мне свою историю. А я... Я, осталась в теле маленькой девочки...

Провалившись чуть больше двух дней в постели, улавливая обрывки образов и информации реципиентки во снах, я поняла, что жизнь моя не будет лёгкой. То, что девчонка была неграмотной, давало конечно простор, но не такой уж и большой. Язык, очень похожий на земную латынь, я понимала с трудом, но всё же понимала. Мамаша, испугавшись что сделала из дочери дурочку, чтобы не вызывать ещё больше подозрений, отправила меня к своей двоюродной сестре. Тётка Лусия, служившая экономкой в доме одинокой старой леди, увидев на перроне тощую с полубезумными глазами девчонку, лишь всплеснула руками, и обозвав сестрицу явно нелицеприятно, приняла меня под своё крыло.

Нет, меня не окружили тут же заботой и добротой, не принцесса чай. Дав мне ещё пару дней отлежаться и отъесться, меня пристроили к работе этакой помогайки. Принеси, подай, помешай, постирай, протри, помой.

Тётка Лусия нарадоваться не могла на тихую, спокойную, трудолюбивую, сообразительную, несмотря на то что постоянно молчит, племянницу. Днём я пахала как ломовая лошадь, а ночью училась. Училась говорить, читать и писать. Спасибо огромное моей родной мамочке за то, что я знала английский и французский. Иначе было бы намного сложнее.

Через год я говорила, читала, писала и считала на местном языке словно родилась с этими знаниями. Мои потуги не остались незамеченными, леди Турсенс, в доме которой трудились мы с теткой, как-то раз застучала меня в своей библиотеке, и не став ругать за не вытертую пыль, принялась за моё обучение. С тех пор жизнь моя пусть и стала легче, но не сильно изменилась. Я все так же продолжала помогать двум горничным и тетке, но училась я уже не ночами, а вечерами. Леди Турсенс хвалила мои способности и предрекала мне хорошее будущее. Ну да, хорошее, очень хорошее для замарашки из трущоб.

Вооружившись всеми своими коммуникативными способностями и навыками, я смогла завоевать не только расположение и симпатию старой леди, я смогла стать для неё любимой внучкой, которой у неё никогда не было. Кто-то скажет – это бесчестно, но не я. Мне нужно было выживать в этом новом мире. Мире, где самым большим достижением для меня стала бы должность горничной, ну или в лучшем

случае, экономки.

Как понимаете, я не видела себя ни в одном из этих амплуа.

Своей цели я добилась, леди Турсенс стала для меня счастливым билетом. Через шесть лет, после того как я попала в её дом, я смогла, не без протекции леди Турсенс, поступить в одну из гимназий для девушек. Не пансион благородных девиц, где обучали аристократок, а в учреждение чуть попроще. Заведение, напоминающее чем-то наши земные техникумы. И для девушки из низов – это считай путёвка в другую жизнь. Стать не прислугой. Стать служащей.

Треель звонка телефона вырвала из воспоминаний.
Звонил Альберт.

Он приехал вечером и с порога стал отчитывать:

– Тина, ты дура! Зачем принимать скоропалительные решения? Мы помолвлены, мы же практически семья, мало ли что бывает между людьми. Зачем все рушить? Я не понимаю!

– Альберт, мы не семья, и никогда ею не будем. Я была в храме и расторгла помолвку. Объявление в газету я тоже дала, избавив тебя от хлопот.

– Но мы...

– Нас никогда не было, – перебила я Альберта. – Был только ты со всеми твоими желаниями, потребностями, капризами. Со всем только твоим, и все было посвящено только тебе.

– Не надо, – скривил он губы, – не изображай из себя жертву эгоистичного жениха!

– Альберт, я не хочу ни о чем говорить! Все! Забирай вещи, и желаю тебе счастья в жизни! Честно, очень искренне желаю тебе всего хорошего!

– Ладно, я понимаю: тебе надо успокоиться, подумать. Мы потом поговорим.

– Знаешь, что?! Да пошел ты куда подальше! Можешь в задницу! – с удовольствием сказала я, спихнув ногой груды саквояжей с крыльца, торопясь выставить его из своей жизни.

Альберт, не ожидавший от меня подобного, лишь беззвучно открывал и закрывал рот.

Оставшись одна, я приступила к любимому занятию: размышлять, пытаюсь понять себя, свою жизнь, свои ошибки, стараясь никого не обвинять, отодвинув на время Одри и ее поступок, чтобы расставить все по местам, а не придумывать себе портрет несчастной, обиженной невесты и обманутой женщины, – это бы мешало, заслоняя истину.

Меня никто не тревожил неделю, все знали эту мою привычку разбираться с проблемой в одиночестве и тишине, скрупулезно, дотошно докапываясь до причин и анализируя следствия.

Но сегодня моё затворничество нарушили. Раздался звонок в дверь. На пороге стояла Одри.

– Тина, нам надо поговорить! – просительным тоном, вместо приветствия, протянула бывшая теперь подруга.

– Я пока не могу с тобой говорить, извини.

– Я так и знала, что ты еще не готова, но решила попробовать. Ладно, хоть воды дашь, жарко очень?

– Зайди.

Я прошла в кухню и, услышав сзади себя шаги, удивилась, что Одри идет за мной, и еще больше удивилась, когда та решительно села за стол.

– Хотя бы выслушай меня! – быстро заговорила Одри. – Альберт меня просто пожалел. Я жутко разругалась с Троем, шла в слезах по улице, он ехал мимо, остановился, усадил меня в экипаж и попытался успокоить. Ну а потом...

– Получилось?

– Что? – удивилась Одри.

– Успокоить. Получилось?

– Да, – пряча глаза, ответила Одри. – Ты прости меня.

– Потом поговорим, я пока не могу.

– Тогда я пойду... – поразив очередной раз меня быстрой «капитуляцией», согласилась Одри.

Закрыв за ней дверь, уперлась лбом в дверь и с тоской подумала: «Это тоже надо пережить! Все равно с ней придется разговаривать, она обязательно появится и не исчезнет, как мираж.»

Постояв так пару минут, поняла, что срочно надо чем-то заняться, чтобы как-то отвлечься от этого визита и от этих мыслей.

«Приготовлю— ка я обед!» — приняла я решение.

За время своего добровольного затворничества не ела толком, обходясь кофе с бутербродами да сигаретами.

Готовила я хорошо, и всегда любила это занятие. Пусть в прошлой жизни я и жила в семье достаточно обеспеченной, мама и бабули научили меня готовить, и очень хорошо готовить. Уйдя с головой в это занятие, не сразу поняла, что в дверь звонят.

— Датвоюжежмать! — процедила сквозь зубы я. — Ну кого там принесло еще?

На пороге топтался местный так сказать участковый, весьма колоритная личность, надо отметить. Звали его Тиркас Кучейн. Маленький, толстенький, кругленький, с пышными хохлацкими усами, с хитрым прищуром глаз. Улыбчивый усталый служака, лет под пятьдесят.

– А я опять к вам, мисс Тина! – как бы извиняясь заранее, начал он, забыв поздороваться.

Прикрыв глаза, дабы служитель закона не уловил раздражительности: ну не до него мне сейчас было, не до его разговоров и разборок, жалоб и кляуз соседей друг на друга! Я постаралась унять всплеск раздражения. Все– таки его работа довольно тяжелая, и не по своей воле и удовольствия ради он таскается по домам.

– Проходите, мистер Кучейн, – смирившись с неизбежным, пригласила я.

Мы прошли на кухню. Полицейский уселся на стул весьма основательно, положил на стол папку и принюхался к запаху готовящейся еды.

– Мастерца вы готовить! Наслышан! – похвалил с явной долей подхалимства.

– А про это– то вы откуда знаете? – удивилась я.

– Так по специфике своей службы я о многом осведомлен! – хитро прищурился «участковый».

– А хотите пообедать, мистер Тиркас? Правда, этому блюду еще потомиться надо, но уже готово, – предложила я.

– Хочу! С превеликим удовольствием! Запах невероятный.

Я налила большую тарелку и поставила перед ним, выставила на стол сметану, плетенку с хлебом, нарезанным толстыми ломтями, как и положено к такой еде.

Мистер Тиркас умудрялся есть и говорить одновременно.

– Я по поводу ваших соседей. Жалуются на них, мол, гости постоянно, шум. Что, балуют ребята?

– Да бросьте вы, мистер Тиркас, все же знаете, – отмахнувшись от его слов, поморщилась я. – Нормальные ребята. Студенты. Учатся, работают! И гости к ним нормальные ходят. Все же были молодыми. И вы в том числе. Неужто на вас не жаловались?

– Было дело, – признался он. – Значит, ничего криминального?

– Да вы лучше меня знаете, что нет.

– Проверить я должен, – сделал упор на должностных обязанностях полицейский.

Он доел, неспешно, с аппетитом, не отказался и от добавки, нахваливая моё мастерство. Мы поговорили о происшествиях в округе, соседских сварах. Мистер Тиркас пожаловался на жизнь, маленькое жалование, огромный участок, повздыхал и наконец отбыл, поблагодарив за щедрый обед и понимание его проблем в целом и в частности.

Проводив его, с удовольствием поела сама, первый раз за все время по– настоящему пообедала. С удивлением обнаружила, что приготовила очень много, на большую компанию, и прикинула, что с этим делать.

«Буду есть всю неделю!» – решила я, пока мыла посуду, вернувшись к своим мыслям.

Пройдя с чистящим амулетом по дому, в очередной раз

поблагодарила всех богов всех миров за то, что в этом мире есть магия. Иначе содержать такой огромный дом в чистоте я бы точно не смогла. Дома аристократов, пусть и не огромные, это вам не шутка. Да. Мне в наследство достался дом леди Турсенс. Вернее, он достался сначала моей тетке Лусии. Леди Турсенс была невероятно добра к моей тетке, которая прослужила в её доме более пятидесяти лет. По сути, их можно было считать подругами. На публике они конечно же придерживались линии поведения, предписанной обществом, госпожа – служанка, но вдали от посторонних глаз они были словно сестры. Возвышенная и утонченная аристократка, леди Аурелия Синтия Турсенс и деловитая хлопотунья Лусия Пиктон. Леди Синтия осталось одна после того, как погибла вся её семья, муж и двое детей, и чуть не лишилась рассудка. Тётка Лусия не оставляла свою госпожу ни на минуту, окружив её заботой и вниманием. Когда огласили завещание, после кончины леди Турсенс, мы все были ошарашены. Наследство было не таким уж и маленьким. Около миллиона золотых, двухэтажный особняк, пусть и очень огромный, со всей обстановкой и драгоценности. Тётка Лусия прорыдала почти два дня, оплакивая свою госпожу, а вот жить в доме она не смогла. После похорон тётка переехала в свою небольшую квартиру на окраине Калле. Тётка Лусия так и не смогла больше переступить порог этого дома. Она умерла через полгода после смерти своей госпожи, оставив мне нетронутое наследство.

А вот после смерти тётки началось самое интересное. Объявилось семейство Локвудов. Не знаю кто им сообщил о смерти тётки, но факт остается фактом, в одно не совсем прекрасное утро я обнаружила всю семейку в полном составе на пороге дома. Я даже не узнала их, пока мамаша не кинулась мне на шею с радостным воплем о том, как она скучала всё это время. С того памятного дня, когда она посадила меня в паровоз в сторону Калле пятнадцать лет назад.

За это время семейство Локвудов претерпело изменения, папаша всё же ушел к другой, выяснив, что ни один из отпрысков Локвудов не является его, стерпеть унижения мужик не смог. Блудливая мамаша ещё несколько раз выходила замуж, но счастья так и не снискала. Её младшие дочь и сын, считающиеся моими сестрой и братом, имели весьма потасканный видок. «Сестра» явно оказывала услуги определенного толка мужчинам за деньги, а «братишка» очень уж оценивающим взглядом прошелся по моим серьгам и обстановке холла. В глазах его щелкал счетчик, выгадывая сколько он выручит за серебряную статуэтку на комод, и бронзовую подставку для зонтов.

Выслушав бурные восторги семейства по поводу такого долгожданного воссоединения любящей семьи и мечты о той шикарной жизни, что нас всех ждёт, я поинтересовалась, с

чего они вдруг решили, что я рада их приезду и жажду разделить своё наследство с ними. Ох, какой хай тут поднялся. Если вкратце, то я зазнавшаяся и неблагодарная стерва, забывшая кому обязана всем этим богатством. Мамаша тут же не преминула напомнить, что если бы не она, то я никогда не попала бы в этот дом, и они как моя семья имеют полное право на эти деньги. А вот тут— то их ждал большой сюрприз.

Через три года после того, как я переехала к тетке Лусии, я рассказала ей, что произошло, и почему я вдруг оказалась у неё. Продемонстрировав в доказательство своих слов татуировку на плече. Умолчав правда о своей другой жизни. Сказать, что тётка была ошеломлена, значительно преуменьшить её реакцию. Через день после этого в дом леди Турсенс пожаловал очень солидный джентльмен и, задокументировав мои слова, он, учитывая пожелания леди Турсенс, сделать всё тихо и спокойно, подал документы от моего имени на отказ от семейных уз.

Невыразимо длительный процесс, хочу вам сказать. Меня несколько раз допрашивали, начина от полицейских и заканчивая служителями храма Богини. Каждое моё слово уточнялось по несколько раз, всё закончилось только после того, как я, достигнув четырнадцати лет, согласилась пройти обряд Избавления. Если резюмировать. Я отказалась от родства с семейством Локвуд. Отказалась от фамилии. Отказалось от имени. Отказалась от всего. Взяв имя Кристина Алекса. С фамилией было сложнее, я думала взять фамилию

тетки, но леди Турсенс предложила взять её девичью фамилию – Бойд. С тех самых пор я Кристина Алекса Бойд. И с тех самых пор я обезопасила себя от любых поползновений семейства Локвуд. Показав мамаше документы, в которых четко было всё прописано, и про татуировку, что практически убила её дочь, в том числе, пригрозив полицией, я выпроводила семейство Локвудов из моей жизни. Не забыв обновить магическую защиту дома.

Закончив с уборкой, я устроилась на любимом месте на полу в библиотеке, совмещенной с гостиной, с чашкой кофе и сигаретой, где меня и застал очередной звонок в дверь, резкий и громкий звук которого заставил вздрогнуть от неожиданности.

– Да что же это такое? Прямо день открытых дверей! Может, к черту, кто бы там ни пришел? Ходят тут, нарушают мою приватность! – зло буркнула я.

Звонок повторился, и я, продолжая ворчать и с удовольствием досадовать, поднялась – таки с пола и, поколебавшись еще мгновение, пошла открывать двери.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

Какой – то пугающе большой – рост под метр девяносто, даже, наверное, выше; широкие плечи, сильные большие ру-

ки, одет в черный дорогой сюртук и темно— синюю шелковую сорочку. Одежда совсем не скрывала тренированные мышцы. Коротко стриженные темные волосы, чуть искривленный, видимо перебитый когда— то давно, нос и внимательные синие глаза, с непростым пронизательным взглядом.

«Терминатор!» — мелькнула вялая мысль.

— Здравствуйте! — поприветствовал мужчина.

«И голос такой же как у терминатора!»

От низкого насыщенного тембра голоса у меня пробежал холодок по позвоночнику, как бывает, когда попадаешь в резонанс с музыкальным ладом.

Не ответила на приветствие, рассматривая его.

— Мисс Кристина Алекса Бойд? — спросил незнакомец, чем сразу дал понять, что он служитель закона.

— Грозить будете или жетон предъявите? — выдвинула предположение о причине его появления на своём пороге, не забыв окрасить интонации эмоциями.

— А есть за что грозить? — усмехнулся мужчина, приподняв бровь.

— А вашему ведомству повод нужен?

— Хм... Тоже верно! — все еще улыбаясь, согласился он и представился: — Кёрк. Итан Кёрк. Старший следователь по особо важным делам.

Он достал из внутреннего кармана жетон. Правильно так показал, неспешно, без суеты и подчеркнутой значимости.

— У меня к вам есть несколько вопросов, — пояснил он

свой приход.

– Проходите, – пригласила я и отошла в сторону, пропуская его в дом.

Мистер Кёрк вошел, кинул быстрый взгляд на пепельницу и кружку, стоящие на полу, но промолчал.

Мы прошли в гостиную.

– Хотите кофе? – спросила я.

– С удовольствием, – кивнул Итан.

– Тогда нам придётся пройти с вами на кухню. У меня нет прислуги, – объяснила я своё приглашение.

На кухне я предложила ему «гостевое» место – удобный плетеный стул за столом напротив окна.

Глава 2

Итан рассматривал и оценивал обстановку.

Дом в одном из старых, но не самом феешенебельном районе Калле. В том самом, где селились не самые богатые аристократы, были тут и те, кто свой титул получил не в наследство, а за заслуги перед отечеством. Студенты – в основной массе, дети успешных и богатых торговцев, желающих своим чадам лучшего будущего. Творческая и массовая интеллигенция. Хороший такой район. Очень хороший. Изысканная архитектура, приятная атмосфера, клумбы, парки, уют-

ные кафе, милые лавочки, скверики и фонтаны. Дом в таком районе практически невозможно купить. И не потому, что недвижимость тут стоит миллионы, нет. Если уж дом и продадут, то тут продадут лишь тому, у кого есть рекомендации жильцов этого района. А это не просто, ох как не просто. В общем, сложно тут купить недвижимость.

Сам дом, на взгляд Итана был идеальным. Не особо крупный, в два этажа, особняк в классическом стиле, с прилегающим к нему небольшим садом и красивой лужайкой в обрамлении розовых кустов.

Внутри было не менее интересно, квадратный с мраморными полами холл, из которого просматривалась уютная гостиная, совмещенная с библиотекой, и светлая столовая, соединённая с большой кухней, имелось также несколько закрытых дверей, и широкая лестница в обрамлении ажурных перил на второй этаж.

Кухня, куда пригласила его хозяйка, большая – метров тридцать, очень стильная и удивительно уютная. Было сразу понятно, что, невзирая на дорогую мебель и современную магическую технику, кухню делали под себя, не обращая внимания на модные тенденции. Пол паркетный, светлого дерева, кухонный гарнитур в тон, не огромный и громоздкий, как часто бывает в таких домах, а легкий, занимающий не так много места. Большой обеденный стол, плетеные стулья, цветы в горшках на столешнице и подоконнике, занавески легкие, радостные. Много керамики: тарелки, чаш-

ки, какие— то миски, вазы, расставленные по полкам, явно не только для красоты.

Все это создавало ощущение такого спокойствия, тепла, домашности, что ли, и, странное дело, так созвучно было Итану.

У него испортилось настроение. Вот в момент!

Пользуясь тем, что хозяйка хлопочет у плиты, заваривая кофе, он внимательно ее рассмотрел.

Да уж, дамочка! Будоражащая, если подбирать эпитеты. Очень. Не молоденькая жеманная девица, а уверенная, молодая, но уже знающая жизнь, чуть уставшая женщина. Чуть выше среднего роста. Стройная – не жердь худосочная, вполне в теле, но ничего лишнего. Определённо, новая мода на отсутствие корсетов и кучи нижних юбок дана Богиней не для удобства женщин, а для мужчин, чтобы подстёгивать их воображение. Темно– рыжие с бордовыми прядями волосы были убранные в замысловатую косу, из которой выбивались тонкие завитки возле маленьких ушек, украшенных аккуратными серьгами с сапфирами, и сзади на красивой шее. Имелись и длинные ноги, угадывающиеся под тонким муслиновым домашним платьем, с удивительно маленькими для такого роста ступнями, в домашних туфельках. Тонкие запястья, узкие ладошки, длинные тонкие пальцы. Очень светлая, матового оттенка кожа. Высокую полную грудь обрисовывал лиф светло– голубого платья с очень пикантным декольте.

И все увиденное, прочувствованное, по привычке анализируемое и понятое им, вызвало у мужчины прилив странной, нелогичной, удивившей его досады.

Она поставила перед ним чашку кофе, не маленькую крохотульку, которые он терпеть не мог, и которые принято подавать в таких домах, а нормальную большую керамическую

кружку, полную крепкого ароматного напитка, запах которого вызвал мгновенный спазм у него в желудке, напомнив о том, что за целый день у него не нашлось времени поесть.

– Молоко, сахар? – красивым голосом, похожим на золотистый тягучий мёд, спросила мисс Бойд.

– Да, – коротко ответил он, стараясь уравновесить свое непонятное настроение.

Она добавила в его и свою кружки молока, поставила на стол сахарницу, плетенку с печеньем и чистую пепельницу, села напротив, сделала глоток кофе и закурила. Красиво так закурила, женственно, неторопливо.

– Слушаю вас, мистер Кёрк.

– Мисс Бойд... – начал он, но она его перебила:

– Послушайте, я понимаю, это может не совсем прилично, но я прошу вас, не надо, – устало потёрла она висок. – Можно просто Тина.

Ну да! Конечно, Тина!

Как это он сразу не подумал! Тина – имя, вызвавшее у него легкий спазм внутри, ей невероятно шло. В ней не было ничего вычурного, нарочитого. Выразительные, серо– зелёные, словно листва в тумане, глаза, опущенные густыми тёмными ресницами, изогнутые брови, прямой нос с еле заметной горбинкой, красивой формы губы – не слишком пухлые, но и не тонкие. Неброская, неярая красота, которую надо увидеть, та, которую чем больше рассматриваешь, тем больше открываешь.

Он наконец подобрал ей определение: изысканная просто-та!

Демоны! Ээх! С такой бы дамочкой где–нибудь на ужине у друзей неспешно под бокальчик– другой хорошего вина познакомиться! И сразу начать красиво ухаживать, не настойчиво, но не забывая про легкий напор, молодея душой и взбодрившись инстинктами! И уж всяко не при делах скорбных и по рабочей необходимости!

Опять поднялась внутри волной, приливом морским досада, которую он так старательно изгонял из себя, прячась за кружкой кофе и напускным официозом.

– Хорошо, Тина, – неласково согласился Кёрк. – Как давно вы виделись со своим женихом?

Вопрос о бывшем женихе, да ещё и заданный таким тоном, вызвал недоумение, но я постаралась быть учливой.

– Уточняю: бывшим женихом. А виделись мы больше недели назад, когда он забирал свои вещи отсюда, – не меняя ровности и отстраненности тона, отрапортовала я.

– Почему вы с ним расстались?

– Хороший вопрос! Я сама себе его задаю, но несколько иначе: почему мы не расстались раньше? Мистер Кёрк, что произошло?

– Я объясню вам позже, ладно? Меня интересует все, что

связано с вашим бывшим женихом, — позволил себе немного мягкости следователь.

— С ним что— то случилось?

— Ничего страшного. Извините, но все— таки я вынужден вас спросить: что было причиной вашего расставания?

Я задумалась, стоит ли посвящать незнакомца, пусть и в звании, в свои личные проблемы, хотя, ведь неспроста он ко мне пришел. Значит что— то случилось. А что могло случиться с Альбертом?

— Я понимаю, что это нетактичные вопросы, но вынужден их задавать, — вернул меня к действительности низкий голос следователя.

— Извините! — встрепелась я, поняв, что надолго замолчала. — Я не уйду от ответа, просто задумалась, — помолчала и неожиданно спросила: — Скажите, мистер Кёрк, вы сегодня обедали?

— Нет, а что? — удивился мужчина резкому переходу.

— Давайте, я вас накормлю обедом или, скорее, ужином.

— Взятки должностному лицу? — усмехнулся следователь.

— Горячим обедом? Нет, просто попытка накормить голодного мужчину. Пока вы ужинаете, мне будет проще отвечать на ваши вопросы, а то как— то очень официально, а вопросы вы задаете щекотливые, при этом старательно избегая пояснения причин своего интереса.

Мужчина удивился еще больше, на сей раз моей откровенности.

Итан задумался. Есть ему, если честно, хотелось страшно, он мотался сегодня целый день по городу, не успев даже перекусить, но у него в кармане лежали «вещдоки» с места происшествия, указывающие прямо на нее. Прямехонько и однозначно на данную дамочку. И предъявлять обвинение после сытного ужина и радушия хозяйки было более чем некрасиво, мягко говоря.

А еще он был раздосадован нестыковкой ее образа, поведения, манеры разговора, психологического портрета, который он уже себе набросал, с происшествием. Раздражаясь совсем уж демонически, потому что придется отказаться от предложенного угощения и как-то осаживать дамочку, он подумал: «Ну что тебе, вот такой – умнице, красавице, сильной, интересной – нужно так от мужика – то? А? Деньги? Так ты и сама не бедствуешь! Или такая уж сильная любовь? И мужик – то так себе, ладно был бы хоть с характером! Вот какого тебя во все это потащило, милая?»

От этих мыслей, от непонимания, как эта женщина могла решиться на такой поступок из-за совершенно неинтересного мужичонки, у него свело желудок и подкатил горький комок к горлу. Итан уже собрался резко ответить ей отказом и перевести разговор в рамки допроса, но она его опередила: – Соглашайтесь. Вы же голодный, до вас был мужчина, он

попробовал, ему очень понравилось, – и первый раз с момента его прихода легко улыбнулась.

– Какой мужчина? – осторожно спросил Итан.

– Инспектор полиции, из нашего районного отдела, мистер Тиркас Кучейн. Приходил поговорить о делах житейских. Так он пообедал с огромным удовольствием, еще и добавки попросил. Или об этом нельзя говорить, тоже считается взяткой должностному лицу? – продолжая улыбаться, поинтересовалась дамочка.

Удерживая готовое хлынуть, как прорвавшаяся плотина, облегчение, остужая мысленным приказом непонятные эмоции, Итан ответил:

– Ему можно, он же из районного отдела, считай почти член семьи, – и осторожненько так, как на минном поле сапер, уточнил: – А во сколько он приходил?

Итан вдруг осознал, что волнуется, даже разозлился и одернул себя: «Ты чего, Кёрк? Что за эмоции? Остынь!»

– Это важно? – спросила Тина.

– Да!

– Так. Я попробую сообразить... – Она задумалась, вспоминая. – Я как раз закончила готовить и сверяла время.

«Ну давай, милая, давай не подведи меня!» – просил про себя Итан, внимательно наблюдая за выражением ее лица.

– Около часа дня. Да, в час, точно! Мы поговорили минут сорок, и он ушел. А что случилось – то?

– Ничего страшного, – радостно ответил Итан Кёрк, пора-

жаясь самому себе. – Давайте! С удовольствием поужинаю, раз вы предлагаете! Только, не обижайтесь, я позвоню, поговорю с вашим мистером Тиркасом Кучейном.

– Да, пожалуйста, если это так важно. Телефон вон там, – указала на стоящий в углу телефонный аппарат.

Тина принялась хозяйничать – разогревать еду, накрывать на стол, – а Итан тем временем достал записную книжку, нашел телефон местного отделения полиции, и сняв трубку с рычажков набрал номер, представился и спросил инспектора Кучейна. Разговаривая с коллегой, он все время незаметно наблюдал за Тиной и думал: с чего это он так реагирует? Откуда эмоции? Он был профессионалом и никогда не позволял себе во время работы чувств. Конечно, они возникали всегда, но он умел загонять их очень далеко, чтобы не мешали трезвой оценке ситуации, и выпускал только после окончания дела, разрешая себе симпатии, антипатии, жалость и злость.

– Благодарю вас, инспектор Кучейн, – закончил он разговор.

Обед оказался очень– очень вкусным, ничего подобного он не пробовал в своей жизни. И этот штрих он добавил к ее портрету.

– Это очень вкусно! – похвалил Кёрк со всей возможной искренностью.

– Спасибо! Приятного аппетита. Давайте я попробую ответить на ваши вопросы.

– Давайте, – не прерывая процесса вкушения, согласился Кёрк.

– Вы спросили: почему мы расстались?

– Да.

– Причина самая простая: оказалось, что мы чужие люди, а я долго себе в этом не признавалась. Я отпуск взяла, чтобы разобраться, и уже неделю пытаюсь все по местам расставить в голове. Попробую вам коротко сформулировать.

– Можно и пространно.

– Мы никогда не были близкими и родными людьми. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Надеюсь, но поясните, пожалуйста, как вы понимаете.

– Не было родства душ, что ли... Да и любви настоящей никогда не было. Мы знакомы очень давно. Альберт племянник Дерека Виброу. Дворецкого леди Турсенс. Вы наверняка в курсе, почтенная леди оставила после себя наследство, разделив деньги между близкими ей людьми. Моя тетя получила значительную, ну в смысле, большую часть, но и остальных, в том числе и Дерека леди Турсенс не обидела. Альберт был для Дерека словно сын, и когда он решил начать своё

дело, Дерек помог племяннику, дав денег. Альберт воспользовался деньгами дяди очень умно и правильно. Он начал строить своё дело, и всё его время было посвящено этому. Я как-то пару раз помогла Альберту, после этого он начал оказывать мне знаки внимания. Если честно, я приняла его ухаживания, но всё это протекало как-то вяло... Я тогда тоже только устроилась в адвокатскую контору, и не до копаный в чувствах нам было, вкалывали оба, уставали так, что была одна мечта – выспаться. Да-да, я после того, как закончила гимназию, несмотря на то, что у моей тёти и у меня тоже были деньги, я работала. Так как по завещанию леди Турсенс моя часть денег была положена в банк. На какой-то особый специальный счет, и я смогла ими воспользоваться только через три года. Но к этому времени у меня уже была замечательная работа, и я вполне могла обеспечить и себя, и тётю сама.

Потом, когда он уже встал на ноги, как-то все вошло в привычную колею: у него своя работа, у меня своя. Но в последнее время мне стало тяжело рядом с ним. Я все чаще смотрела на него и удивлялась: совершенно чужой мне человек, почему же мы вместе? Интересы разные, восприятие жизни разное, даже юмор разный.

Я замолчала, обдумывая, как объяснить правильно то, что поняла, проанализировав за эту неделю наши с Альбертом отношения.

– Что, вот так подумали и решили расторгнуть помолвку?

– спросил мужчина с сомнением.

– Да нет, мне был предоставлен веский повод.

– Какой же?

– Банальный. Я случайно застала его в постели с моей подругой.

– Да уж, действительно банальный, – хмыкнул следователь. – Как зовут эту подругу?

– Одри Шульц.

– Как давно вы дружите? – он записал данные в блокнот, который положил вместе с ручкой под правую руку, как только присел за стол.

– Мы познакомились на первом курсе в гимназии для девушек. Мы учились в одной группе. Дружили. Не так, чтобы поверять все свои секреты, но довольно близко.

– Она живет в Калле?

– Да.

– Как давно?

Я вздохнула, поняв, что придется рассказать, хотя бы коротко, об их отношениях с Одри, а следовательно, неизбежно и о себе.

– Как вы в уже в курсе, я не всегда жила так, – обвела я рукой пространство. – Когда мне было десять, моя мать отправила меня в Калле. Здесь я и познакомилась со своей подругой Лаурой. Так получилось, что я, Лара и Одри учились вместе. Уже после обучения, я как– то поехала с Арти – это сын Лауры, в парк, там случайно встретила Одри,

она работала продавцом мороженого, что казалось очень странным. Ведь она получила хорошее образование. Мы разговорились, и оказалось, что она ужасно трудно живёт. Одри рано, сразу после гимназии, вышла замуж, сразу родила. Муж её, Трой, бросил академию и стал извозчиком, пытаясь прокормить семью. Но после гимназии мы никаких связей не поддерживали, а тут встретились, и я очень за них расстроилась. Одри спросила, нет ли у меня на примете какой-нибудь работы, чтобы можно было нормально зарабатывать. Помогла Лара, у нее был клиент, который искал себе помощницу. Ну, мы Одри сразу порекомендовали, Лара тогда только открыла своё небольшое ателье по пошиву одежды. Богиня щедро одарила Лару, у неё очень сильная искра, Лара настоящая волшебница, и она сшила для Одри несколько нарядов, дабы на собеседовании та выглядела достойно. Одри прошла собеседование, и ее приняли. Чуть позже Ларка уговорила этого клиента взять туда же, мужа Одри, Троя извозчиком. После смерти тетки мне достался не только этот дом, но и небольшая квартира, пусть и не в фешенебельном районе, но и не такие уж трущобы. Одри с Троем и детьми переехали туда. Я даже не брала с них арендную плату. У них же денег тогда совсем не было. Трой до сих пор работает там же, достаточно хорошо зарабатывает. А Одри перешла с повышением и в деньгах, и в должности, в другую компанию. Дети ходят в хорошую школу. И все у них наладилось, — я задумалась. — Хотя, судя по последним событиям, не так уж

и наладилось. Но это дела семейные.

– Вы кому–нибудь рассказывали об инциденте? – делал свою работу Кёрк.

– Только Ларе и Филу пришлось объяснить.

– Фил – это кто?

– Это мой начальник и компаньон, но он Одри не знает. Понимаете, они с Троем часто ссорятся, но все равно всем понятно, что они не расстанутся. У них нормальная семья, ну любят они повыяснять отношения, не обращая внимания на окружающих, так было всегда. Но даже мысли о разводе оба не допускают. Они так живут, понимаете? Трой спокойный, надежный, трудяга, дети у них замечательные. Конечно, я никому не расскажу, и Одри об этом знает. Зачем разрушать семью?

– А как ваш бывший жених объяснил связь именно с ней?

– Никак. Про нее мы не говорили.

– А Одри как все объяснила?

– Я пока не готова с ней общаться. Она приходила сегодня, пыталась что–то объяснить, но я особенно не слушала. Немного времени пройдет, мы и поговорим. Хотя это уже ничего не изменит.

– Это точно. А Лаура, как я понял, еще одна ваша подруга?

– Да, она мне как сестра. Мы выросли вместе, Арти росли вместе. Это совсем другие отношения.

– Понятно. Арти – это сын Лауры?

– Да, но это длинная история, и другая... – ушла я от пояснений.

– Хорошо, вернемся к нашей теме.

– Что все– таки случилось? – в очередной раз спросила я.

– Я вам обязательно скажу, но позже. А как ваш жених начал своё дело?

– Мистер Кёрк...

– Давайте оставим официоз, просто Итан, – перебил меня мужчина

– Хорошо, Итан. Понимаете, – невесело усмехнулась я, – бывшие невесты и женихи, не очень надежные свидетели – можно такого наговорить! Потом, каждая из сторон при расставании считает себя пострадавшей и обиженной, так уж водится.

– Вы правы, но мы опрашиваем и друзей, и знакомых, и родственников, и из всего этого складывается верная картина, – позволил себе пояснения следователь.

– Нелегкая у вас работа.

– Что есть, то есть. И все– таки, настоятельно прошу, расскажите, как начиналось его дело?

Внимательно посмотрела на мужчину и поняла, настаивать он умел. В любых формах, от приказной без вариантов до мягкого нажима.

– Их было трое, в общем, трое и осталось по сей день. Они все тоже учились вместе. Вы же знаете, несколько лет назад началось активное расширение магической академии,

и в наш мир вернулись ушедшие³, а это повлекло всплеск деловой активности. Так вот, идея их компании принадлежала Вексу Корлину. Он очень хороший, можно сказать прекрасный артефактчик. Одна из его работ выиграла в каком-то конкурсе, и он решил не идти в гильдию, а реализовать свою идею сам, ну в смысле с друзьями. Он с этой идеей прибежал к нам с Альбертом, они вызвали Ричарда Дервона, третьего партнера, и стали думать, что делать. Вообще, вся их контора рождалась тут на этой самой кухне. Мне пришлось целые сутки уговаривать их не делать глупостей, а открыть свою контору и оформить все документы, к тому же это несложно сделать. Они настойчиво звали меня работать у них, вести бухгалтерию, я тогда занималась этим. Но я отказалась. Нет, конечно, всю начальную бухгалтерию я им вела. Потом, через два года, когда объем работы у них стал очень большим, я посоветовала им Кариллу Иллари – замечательную даму и просто гениального финансиста.

– А что с начальным капиталом, как они его распределили?

– Тоже без боя не обошлось. Они почувствовали деньги в руках и решили все сразу вложить. Такая эйфория у людей, начинающих своё дело и торопящихся как можно скорее получить прибыль. Пришлось заставить их сесть, посчитать, до запятой, кто сколько вкладывает, вычислить, соответствен-

³ История об Ушедших подробно рассказана в книге – Новые истории на старом ладе.

но, проценты участия каждого. Этим я попросила заняться своего компаньона Фила, он юрист по гражданским делам, очень уважаемый. Он помог составить документы, где оговаривалось все до мелочей: вклад каждого, потенциальная должность, права, обязанности, выход из компании, — словом, скрупулезно и подробно. Они сопротивлялись, ныли: «Мы друг другу доверяем на все сто, никто никого не подставит!» Сами знаете, как это обычно бывает, но я настояла. Просто за время работы с Филиппом такого насмотрелась: и как распадаются целые корпорации, и как вчерашние друзья разве что не убивают друг друга. Поэтому и настояла: «Вы должны договориться здесь, на «берегу», и договориться железно, иначе потом утонете в разборках». Паи у них были одинаковые, и все трое стали полноправными совладельцами. Вот так они и начинали. Первые пара лет было очень тяжело, сначала отдавали займы в банки, потом все деньги вкладывали в развитие, все как обычно и как у всех. В конце третьего года они позволили себе потратить какие-то деньги на себя. Ну а там уж пошло— поехало...

Итан слушал, делал в блокноте какие-то пометки.

— На что они жили всё это время?

— Ричарда содержали родители, они в него верили и во всем поддерживали, Вексу тоже помогали родители, и его, и жены, да и Сита, его жена, работала все это время.

— А ваш жених?

— Ну, так получилось, что некоторое время я его поддер-

живала, нет— нет... — замотала я головой, видя его скептическое выражение лица. — Альберт был крайне неприхотлив, и не в коем случае не просил у меня денег. Но поскольку я всё же была его невестой, то уж обедом или ужином мне не сложно было его угостить.

— Ясно. У них возникали серьезные разногласия?

— Разногласия есть у всех и всегда, но серьезных — нет, никогда, насколько я знаю. Ну, покричат, доказывая каждый свое, но всегда приходили к единому мнению. У них очень здорово сложилась команда: Векс идейный лидер, создатель и руководитель, Ричард пробивной, пронырливый, может достать все, что надо, умеет ходить по кабинетам и добиваться нужных бумаг, а Альберт исполнитель, ему надо поставить задачу, и он будет кропотливо претворять ее в жизнь. Они друг друга дополняют идеально, поэтому у них и дела идут в гору.

— Последнее время были ли у них трудности? Может, денежные недоразумения?

— Насколько мне известно, нет. Но я давно не интересуюсь их делами; не то чтобы мне было всё равно, нет. Я не вдаюсь в подробности. Хотя, если бы что— то серьезное было, я бы наверняка знала. Так что все— таки случилось?

— Я объясню, только ответьте мне еще на несколько вопросов.

Итан не хотел об этом спрашивать, понимая, что совсем уж не в тему, но все— таки спросил, оправдываясь перед собой тем, что это ну очень ему необходимо для полноты картины.

«Какая полнота картины? О чем ты, Кёрк?!» Но...

— Как вы познакомились?

— Всё прозаично. Моя тетя и дядя Альберта служили у леди Турсенс. Мне было шестнадцать, когда я познакомилась с обходительным и вежливым Альбертом, — легко и светло улыбнулась Тина. — Он стал за мной ухаживать буквально через три дня после знакомства.

Не удержавшись, в ту же тему о «полноте картины», Итан спросил:

— И вы ответили взаимностью? Это была большая любовь, я имею в виду, с вашей стороны?

Итан смотрел на нее, не мешая ей думать о своем.

Он не понимал, почему просто не послал ребят из отдела арестовать ее — для этого имелись самые что ни на есть веские основания, почему поехал к ней сам, без звонка и предупреждения? Интуиция? А Богиня знает! Но что— то не укладывалось в схему, мешало ему, как заноза, какая— то нестыковочка. Он был готов к тому, что ему придется самому ее задержать, как говорится: «До выяснения...» — но что— то его останавливало с самого начала. Ему не понравился ее жених,

ах, извините, бывший жених. Это лепетание, бегающие, перепуганные глазки, слегка повизгивающий от страха голос, дергающиеся ручки. Ему сразу все не понравилось в этом деле. Интуиция подсказывала ему, что, просто поговорив с ней, он узнает гораздо больше, и не ошибся.

– Я задал сложный вопрос? – не удержавшись, поторопил он ее.

– Да, непростой, – ответила Тина.

Она встала, достала с полки сигареты и закурила.

– Это непросто – говорить на такие темы. Большая часть наших проблем тянется из детства. Не знаю как большая, но у моего несостоявшегося замужества ноги растут оттуда.

– У вас было трудное детство?

– Трудное... да. Вы же понимаете сколько мне пришлось сделать и через что пройти чтобы добиться того, что я сейчас имею? Я даже читать не могла до одиннадцати лет... а мне претила та жизнь что была уготована девчонки с окраины. Я знала, что могу больше, и я шла к этому. Я была занята не только работой, но и учебой. Я спала по четыре часа, но не сдавалась. Мне некогда было отвлекаться на такие мелочи как молодые мистеры и их ухаживания. Понимаете? – спросила она, посмотрев на него.

Он представил! Представил ее себе заумненькой, с очень внимательным взглядом, девочкой– подростком с двумя косичками, в стареньком платье с оборками и гольфиках, и улыбнулся.

– Вот– вот! – по– своему истолковала его улыбку Тина. – Никаких мальчиков, ухаживаний, влюбленностей. В тот момент и денег на наряды у меня как вы понимаете не было, так что, никаких красивых платьев – только скучные силуэты, унылые расцветки. Когда я поступила в гимназию, я была этакой девочкой– изгоем! У меня была одна– единственная настоящая подруга, Ларка, и осталась на всю жизнь.

– И какая связь между вашим детством и помолвкой?

– Я всегда точно знала, что не могу интересоваться противоположный пол. Ну, по– настоящему, понимаете? Пока я училась в гимназии, ухажеров у меня хватало, но все это было весьма однозначно и поэтому неинтересно, сами знаете, о чем думают парни в этом возрасте... А Альберт... Альберт оказался первым мужчиной, который настойчиво и упрямо доказывал мне, что я ему интересна и нужна как личность, он миллион раз признавался мне в любви, пока я не поверила. Я была ему бесконечно за это благодарна.

«Ну да! Как же! – подумал Итан. – И содержала его, пока он изволил дело поднимать, и работала на них бесплатно!»

– Итан, я ответила на все ваши вопросы?

– Почти.

Он достал из кармана свёрток и протянул Тине:

– Это ваша вещь?

Тина вытащила красивый шелковый шарфик:

– Да, моя. Его Альберт привез из Шартеса. Это авторская работа, роспись по шелку, и он существует в единственном

экземпляре. Мне надо спросить, откуда он у вас, или вы сами расскажете?

– Расскажу. Сегодня в тринадцать тридцать на вашего бывшего жениха, было совершено покушение на убийство. В него стреляли. Преступника пытались задержать, но он сумел скрыться с места преступления, оставив в руке у охранника, пытавшегося его остановить, этот шарф.

– Так... – ошарашенно произнесла Тина. – Альберт жив?

– Да. И сильно не пострадал. Две пули навывлет в мягкие ткани, одна по касательной. Он в порядке, в сознании и очень скоро поправится. Я с ним беседовал. Тина, можно попросить у вас еще кофе?

– Да, конечно!

Она быстро поднялась, но остановилась, не дойдя до плиты, и спросила:

– Может, чего– то покрепче?

Итан задумался. В принципе это не лезло уже ни в какие ворота – он вел допрос, правда без протокола, но в то же время понимал, что она, наверное, в шоке от известия. Да, что– то сегодня он весь день поступает вопреки логике и профессиональной этике.

«Да какая на хрен этика, Кёрк? Несет тебя не пойми куда! В дали неведомые!»

– Тина, вы хотите выпить, но вам неудобно одной? – прямо спросил он, маясь собственными непонятными переживаниями.

– Вы угадали.

– Давайте! – махнул он рукой, посылая про себя все по-дальше.

– Рассказывайте, а я накрою на стол, мне так легче, – по-просила она.

– Это очень странное покушение, – продуманно и остро-рожно начал Итан. – Если в дельца такого уровня как Виб-роу стреляют, то его, как правило, убивают. А тут или очень нерадивый стрелок, или, наоборот, профессионал. Непонят-но, нелогично. Но... Вы ведь знаете, что здание, которое занимает контора вашего Альберта, имеет один подъезд с очень серьезной государственной конторой. Один из высо-копоставленных чиновников внешне очень похож с вашим бывшим женихом – такое же телосложение, рост, цвет волос. Нам стало известно, что их часто путали в коридоре здания.

– Да, мы всегда шутили над Альбертом, мол, уйдешь с ра-боты, пойдешь к нему в двойники.

– Вот именно! И экипажи у них часто стоят рядом, прав-да, чиновника ждет извозчик, но это не важно. Первой воз-никла версия, что ждали этого господина. Вот там как раз есть за что стрелять – он отвечает за большие финансовые потоки, вы, наверное, знаете. А где бюджетные деньги, там всегда что– то кому– то надо. Есть предположение, что в по-следний момент стрелок понял, что обознался, но все равно стрелял – не убить, так лишний раз напугать. Поэтому дело передали нам.

Пока Итан рассказывал, Тина, внимательно слушая, разложила по тарелкам закуску и расставила на столе. Рядом с нарезкой из сыра и холодного мяса, появилась тарелка с маленькими солеными огурчиками, поставила хлеб, две рюмки, достала из холодильного шкафа штоф с прозрачной жидкостью.

– Ого! – удивился Итан, понюхав содержимое штофа. – Пшеничная?

– Однажды я услышала, как один джентльмен сказал, что в доме обязательно должны быть три вещи: бутылка очень хорошего коньяка, бутылка самой лучшей водки, спасибо за это, и вечная память графине Сторн⁴, пачка самых лучших настоящих сигарет.

– Очень мудрый джентльмен! И очень мудрый совет! А уж то, что вы следуете этому совету и вовсе счастье!

Итан разлил водочку по рюмкам и предупредил:

– Я на службе, поэтому не больше двух рюмок.

Рюмочки, поставленные Тиной на стол, были маленькие, граммов по двадцать пять. Она кивнула, соглашаясь.

Они выпили, закусили, и Итан восхитился:

– За такую водку и закуску можно душу продать!

– Спасибо! Это не обязательно, лучше рассказывайте.

– Ну что ж, не хотите душу, продолжу излагать. С самого

⁴ История графини Сторн подробно рассказана в книге – Новые истории на старый лад.

начала было много непонятного. Во— первых, стрелок долго стоял возле подъезда и ждал. На него обратили внимание несколько человек, но это самый центр города — Старая Ра-туша, сами понимаете, там полно контор, рядом к тому же и нотариальная контора, поэтому никто не придавал этому значения — ну, стоит человек в тенечке, кого— то ждет. Во— вто-рых, он был очень странно одет — не то женщина, не то муж-чина, не поймешь. В— третьих, он оставляет шарфик в руках охраны и окурки на том месте, где стоял. Сигареты женские, мужчины такие не курят.

Он посмотрел на ее губы, и его как окатило, вот враз и без предупреждения! И нахлынули совсем нерабочие мысли. Сидеть стало неудобно.

«Ты что?! Опупел?» — прикрикнул он на себя, поражаясь своей реакции.

Быстро отвел от нее взгляд, ругнул себя еще разочек и, отвлекаясь действием от дури, стрельнувшей в голову и, пар-доньтес, в причинное место, Итан взял штоф и налил им еще по одной, поднял свою рюмку, предлагая ей присоединиться. Они чокнулись, выпили. Он доел, утихомиривая «ретивое» под вкушение горячего, и поблагодарил:

— Большое спасибо! Очень вкусно!

Тина убрала его пустую тарелку. Итан с удовольствием за-курил, расслабляясь и чувствуя приятную сытость.

— Шарф ваш сразу опознали сотрудники фирмы, и я уве-рен, что анализ окурков покажет, что они идентичны тем,

что лежат сейчас в вашей пепельнице. Вы ведь курите именно эти сигареты?

– Да.

– Тогда ответьте мне, Тина, кто может хотеть вас подставить?

– Никто! – сразу ответила она.

Итан внимательно посмотрел на нее и, добавив большей вкрадчивости в голос, спросил:

– Вы хотя бы понимаете, как вам невероятно, сказочно повезло, что именно сегодня и именно в час дня у вас был сотрудник полиции?

– Итан, я, конечно, обескуражена, но у меня нет врагов, в прямом понимании этого слова. У каждого есть кто– то, кто его недолюбливает или кому он не нравится, и завистники всенепременно найдутся, конечно, есть такие и в моем окружении. Но чтобы так! Нет, таких нет, да и зачем? – откровенно недоумевала Тина.

– Тина, этот человек вас хорошо знает, знает ваши привычки, знает, что вы разорвали помолвку, знает, что вы целыми днями сидите дома одна, и никакого алиби или свидетеля захудалого у вас быть не может. Или он специально долго следил за вами и наводил справки, что маловероятно. Он вхож в ваш дом – ведь где– то он взял этот шарф и окурки. И кстати, когда в последний раз вы надевали этот шарф?

– Давно, весной, может, в начале прошлого месяца, лето ведь, жара. Вы меня пугаете. Я не могу понять, кому это надо

и зачем. Деньги?

– Деньги всегда очень хорошая мотивация. Вы ведь не бедны.

– Ну да, я не бедствую, у меня отличная работа, и мне досталось наследство, но там всё тысячу, да что там тысячу, миллион раз проверили! И всё прозрачно. Других наследников не по одной из веток не нашли. Титул леди Турсенс вернулся в геральдический свод как спящий⁵. Да и не такие уж это и баснословные деньги. И к тому же, наследство, я имею ввиду деньги, я и получила— то не сразу. Поверьте, я два с половиной года и без наследства справлялась. Сами понимаете, чтобы только содержать этот в дом в порядке необходим штат прислуги не менее трёх— четырёх человек. Поверьте, без моей работы, если бы я вдруг решила вести пусть и не сильно богатый, но праздный образ жизни, этого наследства хватило бы на лет десять. А так, практически вся сумма осталась на том самом счете, который был открыт по велению леди Турсенс.

– И как же вы поддерживаете в порядке этот дом?

– Амулеты, естественно. Векс действительно гениальный артефактчик. Он, насколько я поняла, как— то смог доработать стандартные амулеты. Как помните, их компания этим и занимается. Да, сейчас эти амулеты весьма и весьма дороги,

⁵ При гибели последнего представителя аристократического рода титулы переходят в «спящий» режим, в последствии такой титул может быть дарован кому-либо ещё за особые заслуги.

и используют их в основном военные, но с учетом стоимости содержания штата прислуги я всё равно в выигрыше. Ну и к тому же, у меня гигантская, девяностопроцентная, скидка от производителя, – лукаво улыбнулась Тина. – Что касается всего остального, да, наследство, да, у меня хороший доход от депозита, да, я компаньон в очень известной фирме, но это не сотни миллионов. К фирме Альберта я не имею никакого отношения, к его деньгам тоже. Любовников у меня отродясь не бывало, я это не практикую, чужих мужчин в жизни ни у кого не отбивала. Может, ещё какая дама имеет виды на Альберта? Так логичнее было подставлять, пока мы были помолвлены, а сейчас все знают, что мы расстались, он теперь совершенно свободен для новых отношений, как птица для полета. Нет, что– то здесь не то, Итан!

– Вы не волнуйтесь, Тина, мы разберемся, но сегодня вы были главной и единственной подозреваемой, и спасло вас от ареста и отправки в наручниках в камеру только сказочное появление полицейского у вас в гостях. К тому же стрелок ну о– о– очень был похож на вас телосложением. Вот так! У вас есть револьвер?

– Нет! Зачем?!

– Ладно. Ну что ж, мисс Тина, на сегодня все. Мы с вами еще встретимся и запротоколируем некоторые вопросы. Если вам не трудно, вы подъедете к нам?

– Хорошо, мне не трудно, тем более что, как выяснилось, мне очень полезно бывать в обществе представителей вла-

сти, – усмехнулась Тина.

– Я рад, что вы сохраняете чувство юмора. Как мне связаться с вашей подругой Лаурой? Мне надо с ней побеседовать.

– Ее полное имя Лаура Миркл.

– Спасибо, – записал в блокнотик данные Итан. – А подскажите координаты мисс Одри?

Тина продиктовала.

– Если хоть что– то покажется вам подозрительным или вы вспомните какие–нибудь факты, детали, даже незначительные, звоните в любое время, тут указаны все телефоны, – Итан, записав все данные, протянул ей визитку.

– Хорошо, спасибо.

Итан встал из–за стола, убрал блокнот, ручку и направился к выходу. Он поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется уходить. Ему было уютно, приятно, сытно и не хотелось думать о том, что дома его ждет друг и соратник, майор Ролан Григ. Ролан был следователем, как говорят, поцелованный Богиней, и имел в послужном списке кучу ранений, раскрытых дел и задержаний. Он чувствовал интригу преступления печенкой и часто, вопреки сложившейся версии, именно это его чутье и помогало раскрыть дело.

Ролану было немного за сорок, и он всю свою жизнь был холостяком, потому что весь, с потрохами, принадлежал одной– единственной «женщине» – своей работе. Он со своей бригадой занимался этим делом вместе с прокуратурой в лице Итана. Сейчас они сядут за стол, выложат друг другу, что накопили за день, и попробуют выработать хоть какое– то направление поисков.

Ну хоть какое– то!

– До свидания, Тина, – попрощался Итан, великосветским тоном пытаюсь унять непонятную досаду.

– До свидания, Итан, – сказала Тина.

Глава 3

Я позвонила Лауре, как только закрыла за следователем – господитыбожеймой! –прокуратуры дверь. Ну а кому еще я могла позвонить?

– Ларик, здравствуй!

– Здравствуй, солнышко! Как ты там?

– Ларка, бери Арти, и приезжайте ко мне.

– Что опять случилось?! – заорала Ларка.

– Лар, ты приезжай, я все расскажу, только не гони, ради всех Богов!

– Мы сейчас приедем, жди! – проорала Ларка и бросила

трубку.

После ухода этого большого, сурового Итана Кёрка мне вдруг стало так тоскливо в этом большом доме. Такого приступа одиночества я не испытывала, пожалуй, никогда в жизни. Даже когда умирала там – на Земле.

И еще мне стало страшно!

Кому могло понадобиться представлять меня преступницей? И зачем? Так! Главное не паниковать! Сейчас приедет Ларка, и мы все обсудим и обязательно что–нибудь придумаем! Мы найдём выход, как случилось уже не раз.

С Ларкой мы дружили всю жизнь. Всю мою жизнь в этом мире. С того самого дня как Лаура Миркл будучи десятилетним сорванцом сбежала от гувернантки и спряталась в мешке с картошкой на кухне леди Турсенс, где её и обнаружила я. Тогда Ларка жила с родителями через три дома от нас. Ларка была единственной моей ровесницей, которая не понимала, почему моя увлеченность учебой, и то, что я всего лишь племянница экономки леди Турсенс, может служить причиной шуток или нежелания дружить со мной. У нее совсем иначе были устроены мозги, чем у всех детей. Мы были полными противоположностями: я – высокая, худая – это уж потом я отъелась и округлилась во всех важных и стратегических для каждой девушки местах, а Ларка – маленькая, миниатюрная.

турная, словно фея из сказки. У меня темно— рыжие густые вьющиеся волосы, а у Ларки тот самый идеальный роскошный платиновый блонд, которого так стремятся достичь все блондинки на Земле. Добавьте к этому невероятные голубые глазищи и коралловые губки бантиком на красивом кукольном личике. Мужики столбенеют при виде неё. Уж поверьте. Я же могла похвастаться только темно— рыжими кудрями с красивыми гранатовыми прядями, чистой, без единой веснушки, как это не странно для моего типажа, кожей, и красивой формой серо— зелёных глазам. В целом я была довольна своей внешностью. Про такую внешность можно сказать — миловидная.

Что касается характера, то тут «мамаше» Локвуд нужно сказать спасибо. Тётку очень беспокоило моё равнодушие. Положение спас тот самый маг, что разбирался с моим блокировочным тату: из— за каких— то там перекрытых каналов девочка стала безразличной, иногда даже холодной. Это всецело успокоило тётку и объяснило моё странное поведение. Ну не рассказывать же ей, что в теле её племянницы находится душа и сознание взрослой женщины. И что я в силу своего накопленного жизненного опыта и сложившейся ситуации не склонна к безрассудству. Так что я слыла отстранённой, спокойной и рассудительной. Я размышляла над любой проблемой, прежде чем что— то решить, кроме драк, конечно. На оскорбления я всегда давала сдачи, причем сразу, без размышлений, а Ларка была непоседой и сна-

чала что— то вытворяла, а потом думала. Учителя хвалили меня за явные способности к точным наукам и порядку, а Ларку — за талант увидеть красоту в любом кусочке ткани. На мой взгляд, то, что в этом мире считалось низшей магией, для меня было наивысшей магией, требующей точности, скрупулёзности, тщательности, усердия и внимательности. Пуляться файрболами и ледяными копьями — это конечно эффектно и красиво, но всё же принижать другой вид магии не стоит.

Я спокойно выслушивала ее рассказы о сто первом поклоннике, а Ларка замазывала йодом мои раны после очередной драки, успокаивая и искренне не понимая, как они не видят, какая я хорошая. Я делала за нее уроки по математике, геометрии и физике, а Ларка писала сочинения за двоих.

А потом у Лауры умер папа. Семья у Ларки пусть и была не бедной, но всё же не из высшего общества. Её отец хоть и был профессором и деканом факультета прикладной и начертательной магии, но доходов особых в семье не имелось, перед смертью он тяжело болел, и все деньги, которые были в доме, ушли на лечение. Тётка Лусия, которая пусть и не одобряла нашу дружбу, всё же помогла маме Ларки, и собрала деньги на похороны со всех соседей, сходила в академию отца Лауры и настояла на материальной помощи семье и пенсии.

После школы мы с Ларкой поступили в гимназию. Ларка всегда знала кем она станет — модельером— дизайнером. Я же

решила изучать финансы. Понятно, что мне не столько нужны были знания, сколько диплом об образовании в этом мире. Учеба в гимназии дала мне определённую свободу. Свободу стать чуть более независимой, финансово независимой.

Леди Турсенс не обижала меня и мою тётку. Жалование у нас было хорошее. Но не использовать шанс наладить своё финансовое состояние я не могла. Проанализировав ситуацию и то, к чему готов этот мир, я привнесла в него такую малость, как обычная для любого школьника Земли канцелярская кнопка, тетрадь на пружине и стикеры. Невесть что, конечно, малость, но мне и этого хватило. За время учебы я успела «подсадить» на кнопки, стикеры и пружинные тетради практически всю гимназию. А вот через пять лет после окончания гимназии, уже когда я стала партнёром Филадельфии, мои патенты начали приносить мне неплохую прибыль. Поэтому— то деньги леди Турсенс и остались в основной массе не тронутыми. Мой доход от патентов, зарплата у Филадельфии и проценты от счета, на котором лежало наследство, позволяет мне вести именно тот образ жизни, который мне нравится. И даже то, что я в какой— то мере присвоила себе изобретения Иоганна Кирстена⁶, Марка Твена⁷, Спенсера Силвера⁸, меня не

⁶ Канцелярскую кнопку изобрёл часовщик Иоганн Кирстен в немецком городе Лихен между 1902 и 1903 годами.

⁷ Согласно одному из мнений, Марк Твен в 1872 году изобрёл и запатентовал блокнот на пружине. Однако есть и другая информация: пружинный переплёт был изобретён в начале XX века как практичное решение для скрепления документов.

смушало, я не жалею ни о чем. Каждый выживает как может!

А на втором курсе учебы у Ларки случилась большая любовь. Небывалая всепоглощающая страсть к молодому преподавателю. Он рассказал ей грустную историю о том, как остался один с малюткой сыном на руках. Как жена его бросила, как он вынужден один и работать, и за младенцем ухаживать. Ларка, как только увидела малютку Арти, тут же прикипела к нему своим юным сердцем. Мама Ларки тоже посмотрев в ясные голубые глаза Арти, не смогла остаться равнодушной. Через неделю молодые влюблённые поженились, и не просто поженились, а Ларка стала самой настоящей мамой Арти, пройдя обряд усыновления Арти. После этого они переехали в дом к Ларке и её маме. Молодой муж был крайне занят на работе, а Ларка на учебе. Новаявленная бабушка души не чаяла в маленьком Арти. А через полгода муж и отец скрылся в неизвестном направлении, тайно переевдясь работать за границу, оставив лишь записку, в которой сообщал, что не может больше так жить. И что Арти вовсе не является его сыном! Его бывшая подружка где- то гульнула на стороне, пока он был в какой- то командировке. И оставив ему малыша на пороге ушла в туман. Сам же он позволил себе брак с Ларкой в ожидании, что она богатая наследница, ведь иметь дом в одном из престижных районов города бедняк не мог себе позволить, но узнав о настоящем

⁸ Спенс Силвер, сотрудник компании 3М, изобрёл стикер.

положении дел, он совершенно не готов быть мужем нищей девицы и отцом чужому ребенку. Ну и что— то там об ответственности, которую он не может на себя взять, так как он ещё слишком молод.

Тогда на кухне у леди Турсенс состоялся семейный совет, в который входили я, тётка Лусия, дворецкий Дерек Виброу, и Ларка со своей мамой.

Ларка открыла «заседание» категоричным заявлением:

— Ребенок ни в чем не виноват! Он замечательный и теперь он только мой!

— Ну, слава Богине! — выразила общее мнение тётка Лусия. — А мы все собрались уговаривать тебя оставить Арти!

— Правда? — спросила Ларка и расплакалась.

— Конечно правда! — сказала Ларкина мама и прижала ее к себе.

— Ларочка, — вступил Дерек, — мы посовещались и решили, что тебе ни в коем случае нельзя бросать учебу! У тебя же последний курс, экзамены на носу, практика, диплом, так что не переживай. Мы с ребеночком справимся, все вместе, а ты учись!

После этого выступления открылись «шлюзы» и все присутствующие долго, старательно и от души рыдали от счастья.

Арти рос сыном полка. Его передавали из семьи в семью. Отводили и забирали из детского сада по очереди — кто был

свободен в данный момент. Все работали и учились. Мы с Ларкой бегали с малышом по лекарям, которые так и не могли понять, кто же из нас мама. Таскали его с собой на экзамены, когда некому было с ним сидеть, перекидывая его из рук в руки, как мячик.

Когда Арти стал говорить, он никогда не называл Лауру мамой, а меня тётей, для него мы были Тина и Лара, и остались такими навсегда. Да и как он мог называть нас по-другому, если, читая ему сказки, мы сами умирали со смеху, а играя в мяч, заводились и устраивали соревнования друг с другом под его веселый хохот, и так далее, и так далее.

Мы с Ларкой обе с отличием закончили гимназию. Как раз перед дипломом ей удалось добиться развода. И в тоже время она участвовала во всевозможных каких-то конкурсах, стараясь сделать себе имя. В одном из таких конкурсов, который проводил известнейший дом мод, по слухам принадлежавший самой Леди Лисандра Аурелия Танаис Сторн-Донер, графине Сторн и баронессе Таирс. Супруге самого Тандана Донера, барона Ал-Таирс.⁹ Где Ларка завоевала первое место. Призом в этом конкурсе была работа по окончании учебы в этом доме мод. Джекпот! Выигрышный лотерейный билет! Путевка в новую, успешную жизнь! А Ларка решила отказаться. На тот момент её мама сильно болела, ходила с трудом, да и Арти всего четыре года, о чем она и сообще-

⁹ Подробная история Леди Лисандры Аурелии Танаис Сторн-Донер, описана в книге Новые истории на старый лад.

ла на очередном семейном совете, собранном по такому экстренному случаю. Но её мама, категорически отвергла это решение:

– Лаура! Ты обязана принять это предложение! Если ты останешься со мной, то упустишь свой шанс чего– то добиться в жизни и для себя, и для сына. Ты не имеешь права потратить лучшие годы жизни на уход за больным человеком. Да мне это и не надо, ну не при смерти же я! И с Арти мы все справляемся. Не бойся, мы справимся. Я решила, что мы продадим этот дом, купим нам попроще и поближе к твоей работе. На оставшиеся деньги мы будем жить, а когда начнешь зарабатывать, нам всем станет полегче. Такой шанс даётся один раз.

Дом продали с большой выгодой, вот только планам нашим не суждено было сбыться. Через неделю после покупки нового дома мама Ларки умерла. Прорыдав неделю не меньше, я приняла решение переехать к Ларке. Вот только не в новый дом, а в крохотную квартирку тетки Лусии. Дом Ларка продала и вложила деньги в свою мастерскую.

И началась наша жизнь втроем. На выживание! Мы вгрызались в эту жизнь, не позволяя себе опускаться и расслабляться, не позволяя ныть и малодушных попыток сбежать. От холода, голода и безвылазной, отупляющей нищеты.

Как– то раз, придя в одну из контор в качестве курьера, я посмотрела на людей, работающих там, уловила атмосферу,

запах нового дела, интересной работы и напрямик зашла в кабинет к владельцу, с порога сообщив:

– Я хочу у вас работать. У меня есть диплом пять звёзд¹⁰ и желание чего– то достичь в этой жизни. И мне очень понравился ваш коллектив.

Филипп Веарди, оторвавшись от бумаг, которые изучал, и оторопев от такой наглости, присмотрелся к мне и сказал:

– Хорошо! Но мне нужен еще и финансист. Сможете совместить?

– Да!

– Приступаете завтра в качестве младшего помощника.

Так я стала младшим помощником... и еще немного финансистом, курьером и уборщицей.

Мы отметили это дело с Ларкой, позволив себе купить маленькую бутылочку коньяка.

– Девчонки! Вы такие умницы, – сказал нам тогда Арти, застав за праздничным распитием.

– А ты– то откуда знаешь? – хмыкнула Ларка.

– Так говорит мисс Кора!

Мисс Кора, наша чудесная мисс Кора. Наша соседка из квартиры напротив, которая, как, собственно, и все, в Арти души не чаяла и часто помогала нам – то из садика Арти забрать, то отвезти, накормить или просто присмотреть, когда мы были на работе. Помощь неоценимая, божественного уровня, не иначе, без нее, тётки Лусии и Дерека, мы вряд

¹⁰ Диплом пять звёзд – аналог красного диплома.

ли управились бы, за что благодарны мисс Коре по сей день и до гроба. Не забываем, навещаем, помогаем деньгами, и проблемы, возникающие у нее, решаем по мере надобности.

Ларка приходила из своей мастерской часов в десять вечера и заставляла меня с Арти, сидящими на кровати, укрыв-

шись с головой одеялом и рассказывающими друг другу страшилки. Она скидывала обувь и залезала к нам третьей. Я приходила со своих трёх работ так же поздно и заставляла Ларку с Арти раскрашивать красками апельсины, подаренные Ларке клиентом для ребенка. «А для красоты», – объяснял Арти. Я снимала обувь, закидывала портфель, брала кисточку и присоединялась к ним.

Через пару месяцев, я попросила у Фила разрешения подрабатывать на стороне – делать балансы для маленькой конторки. Это было большое подспорье, при нашем с Ларкой непролазном нищенстве. Он разрешил, но предупредил:

– Если увижу, что это вредит основной работе, выгоню к свиням собачим!

– Конечно! – обрадовалась я.

– Бойд! Ты что, двужильная? Ты же загнешься!

– Я точно знаю, что наша адвокатская фирма скоро будет очень солидной, и надеюсь к тому времени занимать хорошую должность, возможно даже стать партнёром, и получать такую же солидную и достойную оплату. А пока я и бухгалтерию лучше выучу, и деньги заработаю.

– Твои бы слова, да Богине на душу, – проворчал он.

Я уже выходила из кабинета, когда он добавил:

– Тина, не надорвись. Лучше давай я тебе денег займу, потом отдашь.

– Нет, так не лучше. Мы сможем, мы с Ларкой сильные,

пока у нас получается без долгов.

И у нас получалось!

Ларка работала как каторжная. Я тоже работала не покладая рук, я знала, что именно сейчас нам нужно выжить максимум из себя. И постепенно мы стали вылезать из мрачной нищеты. Все накопленные деньги мы вкладывали в Ларкино ателье, она, кстати, настояла, чтобы я стала полноправным партнёром, раз уж мы живём в квартире моей тётки и на мои деньги. Ларка бралась за всё. И нудные заказы по пошиву штор и гардин в школы и детские сады, и пошив формы для всё тех же школ и детских садов, даже изготовление бирок на одежду, сплошной монотонный и каторжный труд. Ларка и две её помощницы работали как проклятые. Как понимаете, ни о каком дизайне речи даже не шло.

Однажды, придя вечером домой, после того как сдала в двух налоговых три баланса, отстояв безумные очереди, я накормила ужином Арти и спросила:

– Слушай, у тебя есть чем сейчас заняться?

– Конечно, Тина! У меня книжка новая. А что?

– Мне надо поспать, а то я умру!

– Иди спи, я тебе мешать не буду, – очень серьезно ответил Арти.

– Ты не можешь мне мешать, даже если будешь орать в ухо, – рассмеялась я его серьезности.

– Почему?

– Во– первых, потому что я тебя люблю, а во– вторых, потому что безумно устала.

Заснула я мгновенно, еще до того, как коснулась головой подушки, и проснулась от непонятных звуков. Выйдя в кухню, застала следующую картину: Ларка сидела за столом перед тарелкой с пережаренной яичницей и плакала навзрыд, Арти стоял рядом и успокаивающе гладил ее по плечу маленькой ладошкой.

– Так! У нас трагедия? – громко спросила я.

– Не– е– ет, – рыдала Ларка. – У нас большая радость!

– Почему рыдаем?

– Пре– едставляешь, я прихожу, а Арти говорит, – захлебываясь слезами, рассказывала Ларка, – «Тина спит, она очень устала, не будем ее буди– и– ить. Я сам тебе ужин приготовлю». И по– ожарил яичницу. «Ты– ы, – говорит, – сиди отдыхай!»

– Лара, чего ты плачешь? – удивился Арти. – Я же у вас единственный мужчина в доме, мне надо о вас заботиться! – вызвав этой тирадой еще более бурный поток материнских слез.

Я тогда села за стол, притянула к себе Арти, прижала, поцеловала в макушку и тоже зарыдала, составив подруге компанию. Так мы и жили!

Ларка стала обрывать клиентами, и дела ателье пошли в гору.

Контора Филиппа Веарди начала расширяться, и наши дела тоже пошли в гору. Я стала его правой рукой.

Умерла леди Турсенс, а потом и тётка Лусия, а я получила наследство.

– Ну где тебя носит, мой друг – прокурор? – прокричал из кухни, вместо приветствия, Ролан.

– Неужто, заскучал? – ответил ему в тон Итан, снимая обувь в прихожей.

Они часто встречались у Итана в квартире, чтобы поужинать, иногда и за полночь, выпить по рюмке и спокойно обсудить дело. У Ролана так посидеть без вариантов, разве что на третий день крутого запоя, когда уже глубоко по фигу окружающая среда обитания. Проживал гениальный следователь в крохотной квартире на окраине, в которой наличествовал столь суровый холостяцкий быт, с элементами полного запустения, какой и бытом обозвать не получалось. Да и навещал он место своего проживания далеко не каждый день, частенько ночуя на работе или у друзей, в основном у Итана.

Кёрк прошёл на кухню и присвистнул, увидев накрытый стол:

– Какая лепота! Тут тебе и селедочка, и соленые огурчики, и... – он поднял крышку стоящей на столе кастрюли и понюхал пар, вырвавшийся на свободу. – Ах! Картошечка! И самое главное – бутылочка! Беленькая, холодненькая!

– Дык, господин, как положено! – картинно замер в низком поклоне Ролан.

– С чего гуляем? Никак до банка дошел и получил новую ключ– карту или штраф с кого взял за переход в неподобающем месте? – поинтересовался Итан.

– Авансик сподобился в кассе получить, – изобразил довольство в лице Ролан.

– Прелестно! Наливай, а я пока переоденусь.

Итан прошел в спальню, снял костюм, повесил в шкаф, натянул на себя любимый домашний наряд. Штаны и сорочку, от которой когда– то на спор оторвал рукава, и пошел в ванную мыть руки.

– Драгоценная влага испаряется! – поторопил его Ролан.

– Бегу, бегу, – голосом послушной барышеньки отозвался Итан.

Они сели за стол, подняли наполненные рюмки, и Итан признался:

– Я сегодня уже изволил две мензурки откусать.

– Размялся, значит, – резюмировал Ролан. – Ну, тогда с новым говнистым делом вас, Итан Кёрк.

– Нас, Ролан, нас! – ответил Итан.

Они чокнулись и выпили. Быстро закусив кусочком селе-

дочки и картошечкой, с удовольствием и смаком жуя, Ролан не без подковырки поинтересовался:

— Ну что, заарестовал мисс? Решил самолично, в порядке, так сказать, ознакомления с подозреваемой?

— Не— а! — довольно отвечивал Итан. — Отложился арест.

— А что тако— о— о— е? — подивился сослуживец.

— После объясню. Давай— ка дружище, выкладывай, что накопал, порадуй меня чем— нибудь.

— Опросил сослуживцев подозреваемой, — после непродолжительной паузы, во время которой внимательно рассматривал выражение лица Итана, приступил к докладу Ролан, — а также ее директора, ну вернее, партнёра. Контора серьёзная, существует восемь лет, этот Филипп Веарди очень хорош. Очень. Он такие дела щелкает, закачаешься. Мисс Бойд работает там семь лет, сейчас правая рука и, как я говорил, партнёр. Очень ценный работник — множество придуманных и реализованных идей. Спокойная, уравновешенная, ответственная. Коллектив ее обожает. С партнёром на короткой ноге, но никаких шуры— муры, просто друзья и соратники. Две недели назад рассталась с женихом, расторгнув помолвку, в связи с чем взяла внеплановый отпуск, чтобы, как говорит ее начальник: подумать. Она всегда так делает, если надо решить какую— то проблему или придумать что— то: запирается в одиночестве и размышляет, а потом выдает очередную идею. Причина их расставания никому не извест-

на, кроме партнёра, но он отказался это обсуждать, предложив спросить у нее самой.

– Десять дней назад мисс Кристина Алекса Бойд, внезапно приехав днем домой, застучала жениха в кровати со своей подругой.

– О как!

– Да, собрала его вещи и выставила из дома.

– Дом ее?

– Да, а ты разве не слышал? Это та самая Бойд, которая получила наследство покойной леди Турсенс.

– Твоюжмать! Точно, а я– то гонял в голове, где я слышал эту фамилию? – постучал себя указательным пальцем Ролан. – Так, выпьем! – предложил он, и опрокинув в себя рюмочку, поделился сомнениями, – Не она это, Итанчик, я чувствую! Да и ты, вон, не заарестовал ее почему– то. Если бы она задумала его убить или пугануть, она бы кого–нибудь наняла и обдумала бы все до мелочей. За семь лет работы на ее идеях фирма обогатилась, она очень умная: такого там напридумывала – ого– го! Уж шарфик она бы точно не надела и курить там не стала бы, да и вообще там стрелять не стала бы! Это точно не она. Зачем уравновешенной, здравомыслящей мисс стрелять, да еще самой, в бывшего жениха? Есть, конечно, одна причина.

– Деньги?

– Ну а куда ж без них! Если бы он погиб, его доля в фирме перешла бы ей и его родителям, пополам. Для этого надо

только зафиксировать в суде факт помолвки и нанять толкового адвоката. Что кстати, для неё не проблема, сам знаешь кто её партнёр. Он сам мне об этом сказал, не угрожал и не намекал, а так, факт сообщил. Так что мисс Бойд даже в суде не надо было бы появляться, за нее бы все сделали. А там ещё и связи её подруги бы подключились, тоже непростая дамочка, говорят, что там знакомства в высшем свете. Чуть ли не с графинями и баронессами в щёки расцеловывается. Часом, не с ней был застукан жених?

– Нет, с другой дамочкой.

– Деньги там довольно большие, – продолжил рассуждать Ролан. – У фирмы ее жениха обороты на сотни миллионов. Завтра Салли отправлю покопаться в их финансовых документах – она точно скажет, сколько мисс Бойд обломилось бы, погибни во цвете лет её жених.

Салли, а точнее, Лизи Салливан была лейтенантом полиции и работала в команде у Ролана. Владела боевыми искусствами и стреляла с завязанными глазами, попадая в десятку. Но это были не все ее таланты. Она имела особый нюх на цифры, могла вытащить нужную информацию из самой запутанной документации. Много раз ее переманивали к себе налоговики, но Лизи была беззаветно предана своим ребятам и Ролану.

– Друг мой, там такие деньги, что даже самая уравновешенная мисс может рискнуть, – сказал Ролан.

– Они были всего лишь помолвлены, сам понимаешь, по идее ничего ей не обломилось бы, все родителям, да и неизвестно еще, что в уставе у мальчишек прописано, может, его доля между другими хозяевами делится. Оно, конечно, при хорошем адвокате, да если шеф юрист... И, как я думаю, партнеры её жениха ее не обидели бы. Покопать, конечно, надо и точно разобраться, что у них там творится на фирме. А что с версией о нашем «любимом» госчиновнике?

– Работаем. Твой генеральный дал добро на разговор с ним. Завтра в двенадцать дня договорились встретиться. Предварительная беседа по телефону ничего не дала – никто не угрожал, никаких наездов и требований. Странное какое-то покушение, нелогичное.

– Нам срочно нужна рабочая версия, – тяжело вздохнул Кёрк, – и на свободе мисс Бойд с чистой совестью сегодня осталась, потому что у нее железное алиби: в это время, с часу дня и до без двадцати двух, у нее в гостях был местный полицейский из райотдела и откушивал ее божественный обед!

– Так! – сказал Ролан.

Они подняли рюмки и молча выпили.

– Так, – повторил Ролан и с нажимом, с преувеличенным подозрением поинтересовался: – Постой, а откуда ты знаешь, что обед «божественный»?

– Отпробовал!

– Что, берем взятки у подозреваемых?

– К тому времени она была уже не совсем подозреваемая. С коллегой из райотдела я, кстати, побеседовал, он все подтвердил. Вот так– то... Ну, и что мы имеем?

– Хрен мы имеем! Кто– то специально наводит нас на неё. Он уверен, что у нее нет алиби, зато есть мотив, даже два – деньги, и не надо мне про то, что у неё и своих хватает, денег много не бывает, и измена жениха. Либо это все– таки по линии гостиницы – маскировка замечательная в данном случае, – мы бы ее уже сегодня арестовали. Либо это связано с Альбертом Виброу, и кому– то очень надо его напугать, а не убрать. И этот «кто– то» твою мисс Бойд хорошо знает или специально узнавал ее привычки, чтобы подставить следствию. Я же говорю: не дело, а полная задница!

– Ладно, прорвемся, не впервой, – успокоил сослуживца и друга Итан. – Давай лучше пройдемся по основным этапам на завтра.

– Сначала мне надо принять! – сказал Ролан, разливая водку. – Как, кстати, дамочка?

Они выпили, закусили, и Итан поделился своим впечатлением:

– Как ты и сказал: спокойная, рассудительная, умеет сдерживать эмоции, все это выработано годами, в детстве была не очень популярна у сверстников. Племянница экономки в том районе не та девочка, с которой нужно миндальничать. И видимо доставалось ей, будь здоров, вот и научилась скрывать чувства. Тридцать два года, двадцать два из них живёт

в Калле. Приехала в возрасте десяти лет к тётке в гости, ну так и осталась. Очень интересная мисс!

– Ну– ну! – язвительно заметил Ролан. – А ты, часом, не того? В смысле, повело на дамочку? Напоминаю: она проходит по делу о покушении на убийство!

– Да знаю я! – с досадой ответил Итан. – Что ты нервничаешь?

– Это я нервничаю?! – возмутился Ролан. – Это по твоей роже видно, что ты на мисс запал. Первый раз тебя таким вижу, а знаю я тебя, заметь, очень давно. Эй, важняк, мисс – основная подозреваемая по делу!

– Ладно! – оборвал его Итан. – Что мы имеем?

– Мы имеем два направления: Виброу и госчиновник. Будем копать, – сказал Ролан и тяжело вздохнул.

– Будем копать, – ответил Итан и, поддержав друга, тоже вздохнул невесело.

– Тина! – закричал с порога Арти и кинулся мне на шею. – Что ты пропала так надолго?

– Арти, солнышко, я так рада тебя видеть! Дай я тебя расцелую!

– Только без лишнего усю– сю! – сразу стал вырываться он из моих объятий.

– Тинка! Говори немедленно, что случилось! – потребо-

вала входящая следом за сыном Ларка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.